

языке, еще не потерял своего дифтонгового характера; сохранение архаичной формы произношения наблюдается и у других дифтонгов, употребляемых в начале и в середине слова: *aji*, *eji*, *uji*, *yji*. Это особенность ярко выражена в речи хамниган сел Алтан и Кыра. Например: *гэжуму* (такой), *цэжидэм* (забеленный молоком напиток)... и т.д. У хамниган токчинской группы наблюдаются дифтонги несколько другого характера: из исторических дифтонговых сочетаний *aji*, *oji*, *yji*, *yji*, *eji* здесь сохранился звук *a* и интервокальный звук *j*, потеряв свой шумный признак, перешел в звук *u* в результате образовался долгий гласный звук *ii*, который обусловил появление ярко выраженных восходящих дифтонгов *^aii*, *^oii* и др., примеры: *г^aчимэ*, *ц^oидэм*, *толог^oиш*".

Итак, в бурятских говорах и в литературном языке исторические дифтонги претерпели довольно заметное и существенное изменение, проявляющее тенденцию к превращению в долгий монофтонг. Особенно сильно это представлено в западных бурятских говорах, что сближает их с калмыцким языком и с языками монголов Ордоса и Восточной Монголии. В западных бурятских говорах по сравнению с другими бурятскими говорами, процесс ослабления дифтонгов в долгие монофтонги более последователен и закончен.

Глава II КОНСОНАТИЗМ

В основу описания согласных в данной главе положено различие их в месте образования. Так, отдельно разбираются губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и увулярные. При этом в основу такого деления положен не современный консонантизм современного бурятского языка, а состав общемонгольских согласных празвуков¹, поскольку представляется гораздо логичнее и удобнее вести исследование эволюции консонантов, исходя из уже восстановленных празвуков.

ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*φ

В истории развития монгольских языков, да и не только монгольских, но и алтайских в целом, большое значение имеет эволюция особого анлаунного звука, восстанавливаемого в виде глухого губно-губного придыхательного *p, возможно, имевшего щелевой характер, т.е. *φ [подробнее об этом звуке см.: Ramstedt 1916]. В средневековых монгольских языках он еще сохранялся в виде глухого щелевого h, например: MA, MNT *heku* 'голова' (бур., х.-монг. *эхи* (h), калм. *эки* 'начало'); MA, MNT *hula* 'красный' (бур., х.-монг. *улаан*, калм. *улаан* id); MA, MNT *harban* 'десять' (бур. *арбан*, х.-монг. *арав*, *арван*, калм. *арвн* id). В современных бурятском, халха-монгольском, калмыцком, могольском, ордосском, чахар-

ском, хорчинском и некоторых других языках Внутренней Монголии этот звук и его рефлексы, по утверждению монголоведов, исследовавших эти языки [см.: Рорре 1955, с. 96; Тодаева 1973, с. 39], не прослеживаются. В ряде же других монгольских языков анализируемый исконный *φ дал следующие рефлексы.

В баоанском [см.: Тодаева 1964, с. 13–14] – *ф* (*фэлаң* 'красный', *фду* 'длинный'), *h* (*харваң* 'десять', *хамэра* 'отдыхать'), *х* (*халгэ* 'ладонь', *ходон* 'звезда') и *ш* (*шилу* 'излишек', *шинэ* 'смеяться').

В дунсянском [см.: Тодаева 1961, с. 12–14] – *ф* (*фуду* 'длинный', *фуру* 'вниз'), *h* (*хамура* 'отдыхать', *харуан* 'десять'), *х* (*хон* 'год', *ходун* 'звезда') и *ш* (*шиниэ* 'смеяться', *шилү* 'излишек').

В монгорском [см.: Тодаева 1974, с. 35–39] – *ф* (*фулаң* 'красный', *фуру* 'вниз'), *х* (*харван* 'десять', *халга* 'ладонь') и *ш* (*шилү* 'излишек' *шинэ*).

В дагурском [см.: Тодаева 1960, с. 56–57] – *х* (*хулаң* 'красный', *харбаң* 'десять', *халгэ* 'ладонь').

В языке желтых уйгуров [см.: Тенишев–Тодаева, с. 50] – *h* (*ходон* 'звезда', *хуру* 'вниз', *хурту* 'длинный', *хүлү* 'излишек', *һлан* 'красный', *һалауан* 'ладонь').

В бурятском языке, как правило, все слова, имевшие в прошлом этот общемонгольский инициальный *φ, ныне начинаются на гласный: *арбан* 'десять', *улаан* 'красный', *альган* 'ладонь', *одон* 'звезда', *уруу* 'вниз', *ута* 'длинный', *улуу* 'лишний' и т.п. Однако нами зафиксировано несколько слов и в бурятском языке, в которых сохраняется начальный *h* (развившийся из *φ) в тех случаях, где в халхаском, калмыцком, ордосском и языках Внутренней Монголии слово начинается на гласный. Этих слов немного:

нахар (бох.) 'шерсть второй стрижки' – *ахар* (зап.-бур.) id., *ахар* (лит.-бур., х.-монг.) 'короткий, низкий; овечья шерсть осенней стрижки', калм. *ахр* 'короткий';

һабир-шэбэр // *абир-шэбэр* 'шепот; шепотом', х.-монг. *авир шивэр*, калм. *ивр шивр* id.;

һамайха 'смотреть с раскрытым ртом, ротозейничать' // *амайха* 'приоткрывать, разевать рот; быть ротозеем';

һамагар 'рассеянный, ротозей' // *амагар* 'приоткрытый, разинутый' (о беззубом рте);

һараг 'редкий' // *араг* 'редкий, необычный; редко';

һархагар 'громоздкий' // *архагар* 'громадный, тяжелый, громоздкий' – х.-монг. *архагар*, калм. *архр* 'громоздкий';

һархайха 'быть громоздким' // *архайха* 'громоздиться' – х.-монг. *архайха*, калм. *архах* 'быть неуклюжим, громоздким';

һурэхэ 'разлетаться в стороны, рассыпаться' – х.-монг. *урэх* 'рассыпать, просыпать; растронжирить, размотать (имущество)', калм. *урх* 'пропадать, гибнуть, разрушаться'.

Как видно из примеров, ряд этих слов и в самом бурятском языке параллельно употребляется без инициального *h*, но в таких случаях наблюдается небольшая дифференциация этих вариантов, что, видимо, и обусловило удержание *h* в этих словах.

¹ Таблицу этих празвуков см.: Рорре 1955, с. 95.

Согласный р (*п*) весьма редкий звук в монгольских языках. Б.Я. Владимирцов [с. 407] утверждал, что "как и в монг.-письм., так и в халх. губно-смычный *п~р* встречается только (разрядка наша. — В.Р.) в словах заимствованных. Стар. монг.-письм. не знал этой фонемы и в случае заимствования *р~п* иноязычных слов передавал через *в...* В халхаском *п* встречается только (разрядка наша. — В.Р.) в заимствованных словах". Но то же время, если взглянуть в словари, то окажется, что в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках есть немало слов начальным глухим сильным звуком *п*. Среди них действительно много заимствованных слов, например, бур., калм. *паар* 'пара', х.-монг. *паалан* (г) 'эмаль', бур. *пильта* 'плита', х.-монг. *пуужин* (г) 'ракета', калм. *парть* 'партия' и т.п. Однако большинство таких слов представляют собой образные и звукоподражательные слова, без сомнения, являющиеся исконными, ни о каком заимствовании здесь речь идти не может.

Примеры: бур. *пал-пал гэхэ* 'булькать', х.-монг. *пал хив* 'бултыхнуться', калм. *пилд гийэд унх* 'шлепнуться', бур. *пос-пос гэхихэхэ* 'грузно ступать', х.-монг. *пур пур хийх* 'клокотать, бурлить', калм. *пард* — звукоподражание треску, звуку, бур. *пагдайха* 'быть коренастым', х.-монг. *пагдайх* 'быть' 'земистым', бур. *пампайха* 'быть пушистым, пухлым, рыхлым', х.-монг. *памбайха* 'делаться мягким и толстым, вздуться', калм. *падрх* 'пылающий, пламенеть', калм. *пицех* 'шипеть, свистеть', калм. *пилгх* 'изобилующий'. Много междометий, например: бур. *пуу!* 'фу!', бур. *пэй!* 'фуй!', бур. *пэхэ!* 'фу!', х.-монг. *паа!* 'фу!', 'фи!', х.-монг. *пых!* 'фу!', 'фи!', х.-монг. *пфуу!* 'уф!', х.-монг. *пээ!* 'ах!', 'ого!', 'фу!', 'фи!', калм. *пөө!* 'эх!', 'ой!', калм. *пүф!* 'фу!', 'фи!'. Встречаются наречия, частицы, например: бур. *пхаранхы* 'совершенно темный', бур. *пад харанхы* 'совершенно темно', бур. *пад хара* 'совершенно черный', бур. *пууяса* 'с шумом, шумно', бур. *поя* 'в достатке', х.-монг. *паг мэдэхгүй байх* 'совершенно не знать', х.-монг. *пад харанхуй* 'совершенно темный'. х.-монг. *пад хар* 'совершенно черная', х.-монг. *пиг дуурэн* 'битком набитый'. Есть и обычные прилагательные существительные, хотя эти слова встречаются только в бурятском языке, например: бур. *пиртан* 'клецки', зап.-бур. *питайд* 'нерешительный, колеблющийся, сомневающийся', бур. *пэлдэн* 'мочка (уха)'.
 Все же следует отметить, что из числа слов с начальным *п*, собственно бурятского или монгольского происхождения и не являющихся заимствованиями, подавляющее большинство составляют слова образные и звукоподражательные. В бурятском языке их очень много. Все это заставляет признать, что согласный *р, видимо, был достаточно представлен в древнем монгольском праязыке.

Звук *р* как фонема встречается и в других современных монгольских языках — монгорском, дагурском, дунсянском, баоанском, желтоуэньском. Но в них он представлен, кроме заимствованных слов, в основном на месте общемонгольского *b, например: монгор. *падула* 'укрепление' (стп.-м. *batula* id.), баоан. *пэджэг* 'письмо' (стп.-м. *bičig* id), дунс. *пандан* 'исполняться' (стп.-м. *bütü* id), даг. К *para* 'сани', даг. К *pandan* 'табурет', ш.-юг. *пос* 'вставать' (стп.-м. *bos*-id).

В бурятском литературном языке и его говорах общемонгольский исконный *b в основном сохраняется в слове во всех позициях.

В начале слова:

бур. *би* — х.-монг., калм. *би*, даг. К *bi*, дунс. *bi*, ш.-юг. *бу*, баоан. *бэ*, монгор. *бу*, стп.-м., МА MNT *bi* 'я';

бур. *бари* — х.-монг. *барь*, калм. *бар*, орд. *bari*, мог., даг. К *bari*, монгор. *барі* (вари-), стп.-м., МА, MNT *bari* 'держать, ловить';

бур. *боло* — х.-монг., калм. *бол*, орд., даг. К, мог., МА, MNT, стп.-м. *bol* 'быть, становиться, сделаться'.

В середине слова:

бур. *табан* — х.-монг. *тав* (ан), калм. *тави*, орд. *tawu*, монгор. *тавен*, даг. К *taw*, мог., МА, MNT, стп.-м. *tabun* 'пять';

бур. *арбан* — х.-монг. *арав* (арван), калм. *арви*, орд. *arwa*, даг. К *arban*, мог., стп.-м. *arban*, МА, MNT *harban* 'десять';

бур. *яба* — х.-монг. *яв*, калм. *йов*, орд. *jawu*, даг. К *jäu*, монгор. *jü*, мог. МА, MNT стп.-м. *yabu* 'идти'.

В конце слова:

бур. *аб* — х.-монг., калм. *ав*, орд. *aw*//*ab*, даг. К *au*, монгор. *авү*, мог. *afu*, МА, MNT, стп.-м. *ab* 'брат';

бур. *хоб* — х.-монг., калм. *хов*, стп.-м. *qob* 'сплетни'.

В положении между гласными *b в халхаском, калмыцком, ордосском, дагурском и других монгольских языках переходит в шелевой звук *w*. Это же происходит и с *b, когда он находится в конце слова, а также в середине слова после сонорных, плавных согласных. Бурятский язык во всех случаях удерживает смычный характер *b. Однако в бурятских говорах, особенно в восточных и южных, наблюдается на месте *b губно-губной же, но шелевой звук *β*. Так, носители этих групп говоров произносят не *аба* 'отец', а *аβа*, не *хобол* 'паз, желоб', а *ховол*, не *шабар* 'грязь', а *шаβар* и т.п.

В бурятском языке и его говорах наблюдается также появление на месте *b губно-губного же, но носового *m*(*м*), например:

бур. *эмдэрхэ* 'разрушаться, ломаться, разваливаться' — х.-монг. *эвдрэх*, калм. *эвдрх*, стп.-м. MAebdere-, MNT *ebde*-id.;

бур. *муйлэ/мылэ* 'десны' — х.-монг. *буила*, калм. *буул*, стп.-м. *büüle* id;

бур. *хомор* 'редкий, скудный' — х.-монг. *ховор*, калм. *ховр*, стп.-м. *qobur* id.

Кроме того, в самом бурятском языке некоторые слова бытуют то с *б*, то с *м*, например:

намша/набиша, *намшаһан//набишаһан* 'листья' — х.-монг. *навч*, калм. *намч*, стп.-м. *nabčii* id;

бур. *һэбэрхэ//һэмэрхэ* 'сечься, лезть, распускаться (о материи)' — калм. *семрх* id., х.-монг., *сэврэх*, стп.-м. *seber-i* 'слегка сохнуть';

намтар (зап.-бур.)//*набтар* 'низкий' — х.-монг. *навтар*, калм. *намтр*, стп.-м. *nabtar* id.;

намтаһан//набтаһан 'послед (у животного)' — калм. *намси* id.

Чередование *б* и *м*, а также переход *б* в *м* имеет место и в старописьменном монгольском языке [см.: Владимирцов, с. 401], в котором зафиксировано

рованы параллельные формы: qabar//qamar 'нос', nabči//namči 'лысты', nilbu-//nilmu- 'плевать', balta//malta 'топор, секира', mečin//bečin 'обезьяна'.
В истории тюркских языков также отмечается чередование *b* и *m* в словах типа *bän//män* 'я', *bu* 'это', но попу 'этого' (вин. п.), кирг. *алба* 'не бери'//*алма* id. и т.п. [см.: Рясанен, с. 147–148]. Переход **b* в *m* представляет собой, таким образом, обычное явление и в других языках.

В бурятских говорах наблюдается в ряде случаев переход **b* в заднеязычный смычный *g* (*z*). Причем в отдельных словах могут бытовать и дублируемые пары типа *убэл//үгэл* 'зима', *үгэй//убэй* 'нет', *абдар//агдар* 'сундук', *тубэд//түгэд* 'тибетский', *бүбөөлжэн//гүгөөлжэн* 'удод', *будэрхэ//гүдэрхэ* 'спотыкаться'. Появление *z* на месте *b* наблюдается и в других монгольских языках, например: бур. *үбэл//үгэл* — монгол. *ugur*, даг. *K uhul*, ср. стп.-м. *ebül*, х.-монг. *өвөл*, калм. *өвл//үвл*, орд. *öwöl* 'зима'.

Сохранение бурятским языком исконной фонемы **b* в "чистом" виде в основном как смычного звука, и там, где он представлен в старомонгольском письменном и средневековых монгольских языках, показывает, что в этом отношении бурятский язык стоит ближе к древнему монгольскому языку, чем халхаский, калмыцкий, дагурский и др. Данной картины ничто не меняет переход в отдельных словах **b* в *m* либо в *g*, так как таких слов буквально единицы.

**m*

Общемонгольский исконный **m* в бурятском языке, включая литературный язык и многочисленные говоры, сохранил, можно сказать, свое качество в неизменном виде. Фонема **m* продолжает употребляться в бурятском языке во всех позициях в слове, например:

бур. *муу* — х.-мон. *муу*, калм. *му*, орд., даг. *K*, монгол. *mū*, стп.-м. *mau* MA *ma'u* 'плохой';

бур. *һомон* — х.-монг. *сум (ан)*, калм. *сумн*, орд. *sumu*, даг. *K som*, даг. *Л сомб*, монгол. *sumu*, стп.-м., MA MNT *sumul* 'стрела';

бур. *эм* — х.-монг., калм. *эм*, дан. *K.*, орд., стп.-м., MA *em* 'лекарство' ср. др.-тюрк. *äm* id.

Лишь в отдельных случаях, буквально в единичных словах, наблюдается появление звука *b* на месте анлаутного и инлаутного **m*, например:

бур. *мэтэ//бэтэ//бутэ* 'как, вроде' — стп.-м. *metü*, х.-монг. *мэт*, калм. *мет*, монгол. *маду* 'как, словно, подобно';

бур. *бури-* 'не хотеть бежать, уклоняться в сторону (о лошади)' — стп.-м. *miri-*, х.-монг. *мури-id.*;

бур. *хабаар-//хамаар-* — стп.-м. *qamiyaga-*, х.-монг. *хамаар-* 'иметь отношение'.

ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

**t*

Консонант **t* в бурятском языке, как и в других монгольских языках, ограничен в своем употреблении позицией — он может произноситься только в начале и середине слова. Во всех бурятских говорах этот **t* обычно сохраняется в виде сильного, с разной степенью придыхания *t* (орф. *t*). При этом перед гласными *i* и *ī* он может получать в некоторых говорах па-

лалатализованный. Так, например, зап.-бур. *t'шимэ* 'такой' — юж.-бур. *тымэ* 'такой'; зап.-бур. *t'ширгэн* — лит.-бур. *тишгэн* 'вытоптанное, утоптанное скотом место'. Слов, в которых было бы после анлаутного *t* *i* или *ī*, немного. Это в основном различные формы от глагола *тихэ* 'так делать'. Но в то же время в ряде говоров (например, тункинском, хоринском) палатализованный *t'* появляется и перед другими гласными, например: тунк. *t'езд* 'но, однако, тем не менее', тунк. *t'эзбиш* 'бабушка', тунк. *ябатт'ёо* 'ушел', тунк. *өгөтт'ёо* 'отдал', хор. *мор'т'ээ* 'с конем', хор. *хог'огор* 'кривой', булаг. *таг'аа* 'курица'. Произносится палатализованный *t'* перед *e* и в заимствованных из русского языка словах, особенно послереволюционного периода, так как дореволюционные русизмы адаптированы фонетической системой бурятского языка. Современные же русизмы произносятся близко к оригиналу, например: *t'эмэ* 'тема', *t'етраад* 'тетрадь', *t'эхникэ* 'техника'.

Палатализованный *t'* в говорах появляется также на месте исторического сочетания **ki*, которое дало по говорам варианты *x'u*, *ши*, *c'u*, *t'u*. При этом гласный *i* может быть ассимилирован соседними гласными и утрачивать свое качество, от комплекса же **ki* остается только *x'*, *ш*, *c'* или *t'*, например: зап.-бур. *арс'u//арши//арт'u*, вост.-бур., юж.-бур., лит.-бур. *арх'u* — стп.-м. *araki* 'водка'; зап.-бур. *тас'аа//таг'аа*, вост.-бур. *тах'аа* — стп.-м. *ta-kiy-a* 'курица'; зап.-бур. *зас'аа//заг'аа*, вост.-бур. *зах'аа* — стп.-м. *jakiy-a* 'заказал'.

Перехода исконного **t* в звонкий *d*, как это почти повсеместно происходит в юго-восточных и южных халхаских диалектах, в некоторых чахарских диалектах и в языке монголов Ордоса [см.: Тодаева 1951; с. 37–38; Порре 1955, р. 103], в бурятском языке, можно сказать, не наблюдается, хотя в единичных словах на месте **t* и представлен *d*, например: вост.-бур. *донгорог//зап.-бур. тонгорог* 'перочинный нож', *тошон//дошо* 'наледь'.

Бурятский язык относится, таким образом, к языкам, сохраняющим исконный общемонгольский **t* во всех допустимых позициях для этого звука — анлауте и инлауте. Примеры:

бур. *тохо-* — х.-монг. *тохо-*, южные диалекты х.-монг. *дохо-* калм. *тох-*, орд. *дохо-*, монгол. *тузу-*, MA *toqo-*, стп.-м. *toqu-* 'седлать, класть потник';

бур. *тата-* — х.-монг. *тата-*, калм. *таг-*, орд. *data-*, мор., MNT, стп.-м. *tata-* 'тянуть, тащить';

бур. *уута-* — х.-монг., калм. *уут*, орд. *ūta*, монгол. *фүда*, стп.-м. *uyuta* 'мешок'.

Кроме того, в бурятском языке отмечаются отдельные факты перехода **t* в свистящий щелевой *s* (*ç*). Так, например, общемонгольский показатель деепричастия предела *-tal*, имеющий в литературном языке фонетический облик *-тар*, в некоторых бурятских говорах (например, тункинском [см.: Абашеев, с. 24], боханском [см.: Хомонов 1965, с. 64], качутском [см.: Митрошкина 1968, с. 58]) произносится как *-сар*, в эхитрит-булагатском говоре [см.: Матхеев 1968, с. 21] — *-сара*, а в сартульском говоре [см.: Бураев 1965, с. 142] формы *-тар* и *-сар* почти свободно взаимочередуются, сосуществуя с формой *-тал*. Общебурятские слова *досоо* 'внутри', *досоодо* 'внутренний', *досоошо* 'внутри' соответствуют халхаским *дотор*, *дотоод*, *дотогш*, старописьменным монгольским *dotur*, *dotuyadu*, *dotuyši*.

Данный консонант в бурятском языке, как и других монгольских языках, в своем употреблении не ограничен позицией. Он встречается в начале, середине и абсолютном конце слова. Причем почти во всех случаях в бурятском языке он сохраняет свой характер слабого звука d и соответствует этому же звуку в других монгольских языках. Примеры:

бур. *дара-* — х.-монг. *дара-*, калм. *дар-*, даг. *К дага-*, орд., МА, стп.-м. *dagu-* 'давить, нажимать (сверху)';

бур. *дутуу* — х.-монг. *дутуу*, калм. *дуту*, орд. *dutū*, MNT *duta'u*, МА *du-tū*~*tutū*, стп.-м. *dutaγu* 'недостающий';

бур. *шада-* — х.-монг. *чад-*, калм. *чид-*, орд. *tšida-*, даг. *К šada-*, стп.-м., МА, NBT *šida-*, 'мочь';

бур. *эди-* — х.-монг., калм. *ид-*, орд. *ide-*, монгол. *иде-*, даг. *К id-*, стп.-м., МА, MNT *иде-* 'есть, кушать';

бур. *болод* — х.-монг., калм. *болд*, орд. *bolod*, стп.-м. *bolud* 'сталь'.

Консонант d в бурятском языке почти не употребляется в собственных словах перед гласными i и ī. Встречаются лишь единичные случаи, например: *дигайха* 'быть огромным, громоздким', *дшилэхэ* 'побеждать'. Причем в говорах d в этих словах произносят то с палатализацией, то без нее, как и в случае с сильным t. Но все же перед i более характерно палатализованное произношение. Например, *эди* 'есть' произносят как *zd'i*, *дшилэ* 'побеждай' — как *d'i:lə* и т.п.

Обращает на себя внимание один факт, характерный из всех монгольских языков лишь для бурятских говоров, а именно: ауслаутный d, входящий в том числе и в состав корня, при попадании в интервокальное положение при наращении аффиксов переходит в западных бурятских говорах в фарингальный h, в цонгольском говоре в свистящий s, в эхирит-булагатском и хоринском говорах — в шипящий ш, например: *буряад* 'бурят' — зап.-бур. *буряаһаар*, цонг. *буряасаар* 'по-бурятски'; *морид* 'кони' — зап.-бур. *мориһы*, эхир.-булаг. *мор'ши*, хор. *моришиие* 'коней'. Суффикс мн. числа существительных -d, имеющий общемонгольский характер и чередующийся в других монгольских языках с показателем мн. числа существительных -s, в западных бурятских говорах тоже переходит в h [см.: Санжеев 1953, с. 128—129] в некоторых падежах и при наращении дополнительных показателей множественности. Так, например, из *хонид* 'овцы' возникают словоформы зап.-бур. *хониһууд* 'овцы', *хониһой* 'овец' (род. пад.), *хониһы* 'овец' (вин. пад.) и т.п. Поскольку h развивается на месте *s, то можно предположить, что в данных случаях в h переходит не d, а тот исконный *s, который в бурятском языке закономерно дает в позиции перед гласным в анлауте и инлауте фарингальный h, а в конце слога перед согласным и в конце слова — смычный слабый d. Значит показателем множественности в этих случаях выступает не -d, а -s, давший в конце слова закономерный фонетический вариант -d.

В бурятском языке фонема d имеет большее употребление, чем в других монгольских языках. Это происходит главным образом за счет того, что в бурятском языке d появляется на месте *s в конце слога и слова. Так, например, на месте х.-монг. *улас* 'люди, народ; государство', *асга-* 'проливать', *бос-* 'вставать' в бурятском языке развились *улад*, *адха-*, *бод-* (в тех же значениях).

О происхождении и дистрибуции этой фонемы в монгольских языках достаточно и основательно сказано у Б.Я. Владимирцова [с. 405—407] и Г.Д. Санжеева [1953, с. 91—98], поэтому здесь ограничимся лишь общими замечаниями, главным образом об особенностях существования *č в бурятских говорах.

Общемонгольской аффрикате *č в бурятских говорах соответствуют два звука — шипящий ш и свистящий с. При этом ш соответствует пинящей аффрикате ч халхаского и ойратского языков, а с — свистящей аффрикате ц этих языков. По утверждению Г.Д. Санжеева [1953, с. 92] из č, восходящей к исконной аффрикате *č, развились в халхаском и ойратском языках ц, в бурятском — с, а из č, возникшей из t перед i (т.е. из *ti), образовались ч в халхаском и ойратском и ш в бурятском. Примеры:

бур. *сагаан* 'белый' ← *цаган ← *čaγān (ср. х.-монг. *цагаан*, калм. *цаһан*, стп.-м. *čaγan*);

бур. *шагна-* 'слушать' ← *чагна- ← *čignā- ← *tiγna- ← *tiγla- (ср. х.-монг. *чагна*, калм. *чиҗн-*, стп.-м. *čignā-*, др.-тюрк. *tiγla-*).

Фонемы ш и с, развившиеся из древней аффрикаты *č, представлены в традиционных бурятских говорах — западных и восточных. В группе же южных бурятских говоров, в языке олонских хамниган [см.: Дамдинов 1968, с. 84], Сартулов [см.: Бураев 1965, с. 115—116] и цонголов [см.: Будаев 1965, с. 153], связанных своим происхождением с монголами, употребляются вместо них аффрикаты ч и ц, как и в халхаском и ойратском языках, например: хамниг., сарт. *чи*, цонг. *чии* — зап.-бур., вост.-бур. *ши*, калм., х.-монг. *чи*, стп.-м. *či* 'ты'.

Как показывает материал, в бурятском языке не всегда ш соответствует ч, а с — ц халхаского и ойратского языков. Имеется немало случаев нерегулярности этих соответствий, например:

Стп.-м.	Бур.	Х.-монг.	Калм.	Значение
čimügen	<i>сэмгэн</i>	<i>чөмөг</i>	<i>чимгн</i>	трубчатая кость
čilüge	<i>сүлөө</i>	<i>чөлөө</i>	<i>чөлән</i>	свобода
möče	<i>мүсэ</i>	<i>мөч</i>	<i>мөч</i>	конечность (как часть тела)
ömči	<i>үмсэ</i>	<i>өмч</i>	<i>өмч</i>	собственность
öčiken	<i>усөөхэн</i>	<i>өчүүхэн</i>	<i>учукн</i>	'доля наследства'
čisun	<i>шуһан</i>	<i>цус (ан)</i>	<i>цусн</i>	маленький
čirai	<i>шарай</i>	<i>царай</i>	<i>чирө</i>	кровь
qačar	<i>хасар</i>	<i>хацар</i>	<i>хачр</i>	лицо
čidqa-	<i>шудха-</i>	<i>цутга-</i>	<i>цутх-</i>	щека
				лить металл

На то, что подобные факты в монгольских языках являются результатом неравномерного развития *č, связанного с неравномерностью переломов гласного *i, указывал Г.Д. Санжеев [1953, с. 95—96]. Появление в бурятском языке св тех случаях, где в халха-монгольском и ойратском представлено ч, как и в старописьменном монгольском языке, он объясняет тем, что в бурятском языке переход *č → ч → с произошел еще в период 2-го перелома гласного *i. Наличие же в ряде слов в бурятском языке

ке *ш*, появившегося на месте **ж* в тех словах, где в халхаском и ойратском, наоборот, представлен *ц*, можно объяснить, как нам кажется, теми же причинами, только в обратном порядке. Иначе говоря, в бурятских словах типа *шуһан* 'кровь', *шарай* 'лицо', *шудха-* 'лить металл' *ш* сохранился потому, что перелом **ц* в них произошел позднее, чем в халхаском и ойратском языках, в которых в этих словах представлен *ц*. В бурятском языке к тому времени, когда в нем произошли коренные преобразования фонологической системы и исчезли аффрикаты, в этих словах еще удерживалась шиплящая аффриката *ж*, давшая шиплящий щелевой *ш*.

В этот период развития звуковой системы бурятского языка, видимо, уже прекратили свое действие причины, вызвавшие появление свистящих аффрикат на месте шипящих. 3-й перелом гласного **и* происходил где-то в XIII–XIV вв. Дезаффрикатизация могла произойти в бурятском языке и позже. Этот разнобой в соответствии шипящих и свистящих звуков в монгольских языках показывает, что, вероятно, захваченные единым процессом образования свистящих аффрикат бурятский, халха-монгольский и ойратский (калмыцкий) языки пошли впоследствии каждый по своему пути.

В бурятском языке имеются варианты слов, отражающие эту неравномерность развития **ж*. Так, например, наблюдаются междиалектные и внутридиалектные пары:

хабсал//*хабиал* 'ущелье', ср. х.-монг. *хавцал*, калм. *хавчг*, стп.-м. *qabčal id.*, *сошохо*//зап.-бур. *шошохо* 'пугаться', ср. х.-монг. *цочих*, калм. *чочх*, стп.-м. *šošiču id.*;

булсан//*булшан* 'мышцы рук, ног', ср. х.-монг. *булчин*, калм. *булчи*, стп.-м. *bulčing id.*;

хүсэн//*хүшэн* 'сила, мощь', ср. х.-монг. *хуч(ин)*, калм. *кучн* стп.-м. *küčün id.*; ср. др.-тюрк. *küč id.*;

шэхэ//зап.-бур. *сэхэ* 'прямо', ср. х.-монг. *цэх*, калм. *чик*, стп.-м. *šike id.*

Это свидетельствует о том, что бурятские говоры и те языковые компоненты, из которых сложился бурятский язык, прошли неравномерный путь развития.

**ж*

О происхождении и дистрибуции в монгольских языках этой общемонгольской фонемы писали подробно Б.Я. Владимирцов [с. 397–400] и Г.Д. Санжеев [1953, с. 99–103], поэтому здесь ограничимся общими замечаниями относительно бытования ее в бурятских говорах.

В бурятском литературном языке и традиционных бурятских говорах — западных и восточных — этой аффрикаты соответствуют проточные *ж* и *з*, на месте которых в халха-монгольском языке представлены *дж* и *дз*, а в ойратском — *дж* и *з*.

В бурятских говорах развитие **ж* происходило, видимо, неравномерно вследствие чего в них в начале и середине слова — позициях, где допустим **ж* — фиксируются варианты *ж*, *з*, *дж*, *дз*, *й*, *д'*. При этом, по свидетельству Ц.Б. Цыдендамбаева [1968, с. 167], "в употреблении начального щелевого *ж* и отчасти *з* в западном наречии наблюдается большой разнобой: нижнеудинцы вместо *ж* употребляют мягкий *д'*, аларские и унгино-балаганские

буряты — *ж*, а далее на восток — щелевой сонант *ж*. Представители восточного же наречия употребляют только согласный *ж*, а южного наречия — только аффрикату *дж*".

Употребление начального *й* вместо *ж* (отчасти *з*) отмечается диалектологами у баргузинцев [см.: Раднаев 1965, с. 83], качугских бурят [см.: Митрошкина 1968, с. 52], байкало-кударинцев [см.: Цыдендамбаев 1964, с. 57].

Разнобой в употреблении *ж* и *з* наблюдается также в самом литературном языке, между бурятскими говорами и между бурятским и другими монгольскими языками, например:

лит.-бур. *зүхэхэ*//*жүһэхэ* — х.-монг. *зусэх*, калм. *зусх*, стп.-м. *jüsekü* 'ре-заять ломтями';

общебур. *жэбэ* — х.-монг. *зэв*, калм. *зев*, стп.-м. *jebe* 'ржавчина';

лит.-ру. *зүһэн*//*жүһэн* — х.-монг. *зус(эн)*, калм. *зусн*, стп.-м. *jüsün*, *jüsün* 'масть, цвет';

лит.-бур. *зүдхэхэ*//*жүдхэхэ* — х.-монг. *зүтгэх*, калм. *зүткх*, стп.-м. *jüdke-kiü* 'тянуть, напрягая усилия; усердствовать, стараться';

вост.-бур. *жүлдэ* 'осердие, ливерная часть туши' — х.-монг. калм. *зүлд*, стп.-м. *jülde* 'голова вместе в сердцем (при разделке туши)';

лит.-бур. *жэжалха*//зап.-бур. *зэжалха* — х.-монг. *зэжлах*, калм. *жэжлх*, стп.-м. *jačilaqu* 'жевать';

лит.-бур. *эжэн*//*зээн* — х.-монг. *зэ(эн)*, калм. *ээн*, стп.-м. *ejen* 'хозяин';

лит.-бур. *зүлай*//*жолоо*//*бох*. *ёлоон* — х.-монг. *зүлай*, калм. *зүла*, стп.-м. *julai* 'родничок, темечко у ребенка';

лит.-бур. *анзаһан* — х.-монг. *анжис(ан)*, калм. *андсх*, стп.-м. *anjisun* 'соха'.

**с*

Данный консонант претерпевал в бурятском языке в процессе эволюции различные модификации, причем разные в зависимости от позиции в слове. Рассмотрим порознь его эволюцию в трех основных позициях: в начале слова, в положении перед гласным и между гласными, и в положении в конце слога или слова.

Инициальный **с* в традиционных бурятских говорах, за исключением сартульского, цонгольского и хамниганского, удерживающих этот **с* в виде *с*, дал фарингальный щелевой *һ* в положении перед любым гласным, кроме **и*. Процесс этот в бурятских говорах проходил довольно последовательно. В результате, в ряде слов возникло несоответствие между бурятским и халхаским с ойратским языками, так как в бурятском в тех словах **с* → *һ*, а в халхаском и ойратском **с* → *ш*. Примеры:

бур. *һуни* — х.-монг. *шөнө*, калм. *сө*, даг. *K sun'*, мог. *shni*, монгол. *соні*, орд. *soni*, баргу-бур. *hün'i*, стп.-м. *söni* 'ночь';

бур. *миһэлзэхэ* — х.-монг. *мишэлзэх*, калм. *мишэх*, *мишклэх*, стп.-м. *mišiyekü* 'улыбаться';

бур. *хүһөө*//*хүшөө* — х.-монг. *хөшөө*, калм. *көшө*, стп.-м. *köšye* 'изваяние из камня, памятник, обелиск';

бур. *һуушэ* — х.-монг. *цууц*, калм. *шуунч*, стп.-м. *šüüše* 'долото';

бур. *эһэлзэхэ* — х.-монг. *эвшээх*, калм. *эвшэх*, стп.-м. *ebšiyekü* 'жевать';

бур. *үөөн* — х.-монг. *өс, өшөө* (н), калм. *өша*, стп.-м. *öšigen, öšiyen* 'месть, вражда, ненависть'.

Наличие в данных примерах в бурятском языке *h* объясняется тем, что здесь к моменту действия закона **s → h* перед **s* был иной гласный, чем *i*. Переход же **s* в *h* осуществлялся в бурятском языке только перед *i*. Произошел он раньше, нежели **s* стал переходить в *h*, поэтому „**s + i*” осталось в виде *ш*, а „**s +* любой иной гласный” последовательно везде дало *h*.

Появление на месте **s* в анлауте звука *h* характерно также и для бурятского языка [см.: Тодаева 1960, с. 27]. Примеры:

бур. *haарал*, баргу-бур. *hāрал* — х.-монг. *саарал*, калм. *саарл*, стп.-м. *saарал* 'буланый';

бур. *huул*, баргу-бур. *huул* — х.-монг. *суул*, калм. *сул*, стп.-м. *seгу* 'хвост'.

Аналогичное явление представлено также среди тюркских языков в башкирском и якутском. Причем в башкирском языке *h* сохраняется, а в якутском *h* в анлауте исчезло, дав ноль звука, например:

Др.-тюрк.	Тат.	Башк.	Як.	Х.-монг.	Бур.	Значение
sal	сал	һал	аал	сал	һалл	плот
saqal	сакал	һакал	—	сахал	һахал	борода
sān	син	һин	эн	—	—	ты
segiz	сигез	һигез	ағыс	—	—	восемь
saŋıy	сату	һатыу	атыы	—	—	торговля

В одном из бурятских говоров, байкало-кударинском или кабанском как его называли раньше, исследователями отмечается своеобразное явление перехода начального *h* в *x* [см.: Цыдендамбаев 1964, с. 65]. Это существенно меняет облик слов, например:

Общбур.	Байк.-кудар.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
һара	хара	сар	sa-r-a	луна, месяц
һонин	хонин	сонин	so-n-in	новость
һанаан	ханаан	санаа	sa-na-a	мысль
һуулга	хуулга	суулга	su-yul-ga	посади

В результате в байкало-кударинском говоре появились пары слов типа *хара* 'черный' и *хара* 'луна, месяц'; *хонин* 'овца' и *хонин* 'новость'; *хааха* 'закрывать' и *хааха* 'дойть' (ср. бур. *һааха* 'дойть').

Ц.Б. Цыдендамбаев утверждает, что переход *h → x* характерен для западных говоров вообще. Так, он пишет [1968, с. 166–167] по этому поводу: "В западных говорах фарингальный согласный звук *h* имеет тенденцию к потере самостоятельности. В Добайкалье это явление довольно ярко выражено в Нельхайском кусте Аларского р-на (с. Балтуй), где так же как и в Байкало-Кударе, говорят *хаэн* вм. *һаэн* (хорошо), *хурьха* вм. *һурьха* (спрашивать), *хуури* вм. *һуури* (место для сидения). Употребление заднеязычного звука *x* вместо фарингального *h* встречается изредка также по Унге, Алари, Иде, Куде, Качугу".

Неустойчивость *h* в нижнеудинском бурятском говоре отмечается А.А. Дарбеевой, которая приводит [1978, с. 51–52] данные о замене *h* в ряде случаев на *kx*, *x* и даже *g*, например: *хумалгаң* 'заряженный' вм. *һумалһан*; *һуба'аң, хубаһаң* 'ожерелье' вм. *һубаһан*; *хорбоһон* 'ресница'

вм. *һорбоһон*; *һүни~хүни* 'ночь' вм. *һуни*; *кхурнам~һурнам* 'спрашиваю' вм. *һурнаб*; *кхүна~һүна* 'сидит' вм. *һууна*; *кхулашиг~һулашиг* 'слабовавший' вм. *һулашаг*; *кайһиргаң* 'чешуя' вм. *хашарһан*.

Аналогичное явление отмечается исследователями также в старобаргутском (хучин-баргутском) диалекте, в котором, по словам Б.Х. Тодаевой [1960, с. 27], "спирант *h* ... перешел в заднеязычный спирант *x* (в начале слова)...". Об этом же явлении говорит и Чингэлзтэй [см.: Цыдендамбаев 1964, с. 66].

Б.В. Матхеев [1970, с. 57] высказывал мнение, что "появление начального *x* (в речи байкало-кударинцев. — В.Р.) вместо общбурятского *h*, по-видимому, объясняется тем, что этот звук в силу своей позиционной неустойчивости легко подвергся качественным изменениям в результате иноязычного, например русского, влияния". Нам же кажется, этот переход *h → x* невозможно объяснить русским влиянием, так как подобное же явление характерно и для старобаргутского диалекта, который не мог испытывать на себе русского влияния. Следовательно, для объяснения этого явления нужно искать другие причины.

В связи с этим небезынтересно вспомнить, что в языке джарутов Внутренней Монголии Д. Кара [1970, с. 236] зафиксировал на месте *q фарингальный *h* как основной аллофон из произносительных вариантов *h, ʃ, x*. В словаре и в тексте он дает слова только в начальном *h* вместо *x*, например: *hәй* 'язык' (х.-монг. *хэл*, калм. *келн*, стп.-м. *kelen*, бур. *хэлэн*), *һаг* 'черный' (х.-монг., калм. *хар*, бур. *хара*, стп.-м. *qara*), *gahā* 'свинья' (х.-монг., бур. *сахай*, калм. *һаха*, стп.-м. *yaqai*), *yih* 'большой' (х.-монг. *их*, калм. *ик*, бур. *ехэ*, стп.-м. *yeke*).

В языке монголов Северо-западной Халхи, особенно у живущих возле оз. Хубеугул, нами наблюдалось произнесение *h* вместо *x*, т.е. говорили *һойор һулгана* вместо *хойор хулгана* 'две мыши', *һар һонь* вместо *хар хонь* 'черная овца' и т.п. Таким образом, здесь правомерно предположить, что поскольку в монгольских языках *x* может переходить в *h*, то почему невозможен обратный переход *h* в *x*? Тем более, что переход *x* в *h* наблюдается в ряде случаев и в самом литературном бурятском языке. Так, лит.-бур. *зэхэх* 'готовиться' соответствует х.-монг. *зэхэх* и стп.-м. *ʃekəkü id.*; лит.-бур. *зэхэгэй* 'приготовленный' — х.-монг. *зэхэгэй id.*; зап.-бур. *һүрэг*/лит.-бур. *хүрэг* 'портрет, изображение' — х.-монг. *хөрөг*, калм. *көрг*, стп.-м. *köüg id.*; лит.-бур. *һолхихо*/лит.-бур. *холхихо* 'болтаться, не прихордиться вплотную' — х.-монг. *холхих id.*, калм. *холхэх* 'быть слишком широким (обувь)'. Следовательно, причина перехода *h* в *x* в байкало-кударинском и других западных говорах лежит не во влиянии русского языка, а в закономерностях развития, эволюции звуковой системы бурятского языка и даже гораздо шире — среди монгольских языков. Так, оба процесса перехода *h* в *x* и *x* в *h* наблюдаются в дагурском языке, в котором инициальный *h*, предшествовавший когда-то гласным, развился в *x* [примеры см.: Kalužynski, s. 135–144]: даг. *K ɣarban* — MA *harban*, стп.-м. *arban* 'десять'; даг. *K ɣalɣ, ɣalga, ɣalaha* — MA *alaqan*, MNT *halaɣan*, стп.-м. *alya* 'ладонь'. Переход этого *h* в *x* отмечается также в монгорском, дунсянском и баоаньском языках [см.: Тодаева 1973, с. 37; 1961, с. 12–14; 1964, с. 12–14].

В бурятском языке, видимо, переход **s → h* произошел очень давно, поскольку *h*, развившийся из **s*, стал вступать в дистрибутивные отношения

с фонемой *х*, появившейся на месте **q* и **k*, став ее аллофоном. Именно о давности свидетельствует то, что в языковом сознании народа *h* перестало ассоциироваться с *с* и начал соотноситься с *х*.

В бурятских говорах (особенно западных) зафиксировано в ряде случаев чередование в анлауте звуков *т* и *h* [см.: Бертагаев 1969, с. 154]. Так появились пары:

зап.-бур. *hэнхээ*/[*тэнхээ*] 'сила, мощь', ср. лит.-бур. *тэнхээ*, х.-монг. *тэнхээ*, калм. *тук*, стп.-м. *tengke, tengkege* id.;

зап.-бур. *төөм*/[*һөөм*] 'пядь' ср. лит.-бур. *һөөм*, х.-монг. *сөөм*, калм. *сөм*, стп.-м. *sögem* id.;

зап.-бур., лит.-бур. *тамарха*/[лит.-бур. *һамарха*] 'перемешивать жидкость, плавать', ср. х.-монг. *самрах* id., калм. *самрх*, стп.-м. *samug-, samuga-* 'перемешивать жидкость';

зап.-бур. *тэтхэл*/[*һөтхэл*] 'чувство, душа', ср. лит.-бур. *сэдхэл*, х.-монг. *сэтгэл*, стп.-м. *sedkil* id., калм. *сетгх* 'думать';

зап.-бур. *тэлхэгэр*/[*һэлхэгэр*] 'отечный, полный', ср. лит.-бур. *һэлхэгэр* id., х.-монг. *сэлхрэх*, стп.-м. *selgüre-* 'опухать, отекает';

Любопытно, что однотипное чередование начальных *h* и *т* наблюдается также и в соседнем тофаларском языке. Так, нами зафиксированы в с. Алыгджер слова *һаан* 'белая куропатка', *һараачыгай* 'оляпка', а в с. Верхняя Гутара соответственно *таан*, *тараачыгай*.

Б.Х. Тодаева приводит любопытный факт замены звука *с* звуком *т* в хорчинском говоре монгольского языка Внутренней Монголии. Она пишет [1960, с. 27]: "Отличительной особенностью джалайт-дурбэтхорчинского говора является отсутствие в нем спиранта *с*, вместо которого имеется взрывной *т*, например: *тā-* 'донить', *давтай-* 'солить', *ботō-* 'вставать', *джагай* 'рыба', *толгō* 'левша', *шуг* 'кровь', *шат* 'снег', *тахл* 'борода' и т.д."

По свидетельству А.Д. Руднева [1911, с. 180-181], "в самой северо-восточной группе монгольских говоров, в говорах дурбут-бэйс..., северный Горлос... и ... также джалаит..., т.е. среди населения местности, расположенной (в общих чертах) в пределах ромба, заключенного между городами Цицикар, Харбин, Бодунэ, и вытянутого к западу, письменному («с») во всех случаях отвечает *т*". В опыте словаря говоров Восточной Монголии он приводит, например [см.: 1911, с. 123-131], следующие слова из говора дурбут-бэйс: *тал-* (вм. *сал-*) 'разделиться', *тала* (вм. *сала*) 'разветвление', *тамл-* (вм. *самла-*) 'чесать', *тар* (вм. *сар*) 'месяц', *тетхил*, *тетхүл* (вм. *сетхий*) 'мысль', *голоңо* (вм. *солоңо*) 'радуга', *тум* (вм. *сум*) 'стрела' и т.п.

В бурятском языке *h*, чередующийся с *т*, восходит в этих случаях к общемонгольскому спиранту **s*, заменяющемуся на *т* в вышеупомянутых говорах хорчинском и дурбут-бэйсэ. Таким образом, здесь мы имеем дело, вероятно, с каким-то однотипным фонетическим процессом. *

Таковы в общем особенности развития анлаутного **s* в бурятских говорах.

В интервокальной позиции **s* в бурятском языке реализуется, как правило, в виде фарингального *h*, например:

бур. *наһан* — х.-монг. *нас* (ан), калм. *наси*, орд. *nasu*, даг. П *нас*, МА, стп.-м. *nasun* 'возраст';

бур. *яһан* — х.-монг. *яс* (ан), калм. *яси*, орд. *jasu*, мог. *jösun*, даг. П *јас*, МА, стп.-м. *yasun* 'кость';

бур. *уһан* — х.-монг. *ус* (ан), калм. *уси*, орд. *usu*, даг. П *ос*, мог., МА, стп.-м. *usun* 'вода'.

В бурятском языке в середине слова переход **s* в *h* ограничен позицией. Он произошел перед всеми гласными за исключением **i*. Этот переход наблюдается и в положении после исторического закрытого слога, например:

бур. *хэрһэн* — х.-монг. *хэрс* (эн), калм. *керсу*, стп.-м. *kersen* 'соколок (часть туши)';

бур. *тамһан* — х.-монг. *тамс* 'тесьма, обшивка', калм. *тасм*, стп.-м. *tasma* 'тесьма' (бур. *тамһан*, х.-монг. *тамс* представляют собой метатезу от *tasma*);

бур. *забһар* — х.-монг. *завсар*, калм. *завср*, стп.-м. *јabsar* 'премежуток'.

В бурятском языке встречаются слова, в которых *h*, подобно вышеприведенным примерам, стоит в позиции после согласного. Но на самом деле исторически в этих словах между *h* (< **s*) и этим согласным был гласный, впоследствии выпавший, так что *h* здесь по сути дела восходит к интервокальному **s*. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>хулһан</i>	<i>хулс</i> (ан)	<i>хулси</i>	<i>qulusun</i>	тростник
<i>хюмһан</i>	<i>хумс</i> (ан)	<i>хумси</i>	<i>kimusun</i>	ноготь
<i>элһэн</i>	<i>элс</i> (эн)	<i>элси</i>	<i>elesin</i>	песок
<i>үйһэн</i>	<i>үйс</i> (эн)	<i>үйси</i>	<i>üyisün</i>	береста
<i>хальһан</i>	<i>хальс</i> (ан)	<i>хальси</i>	<i>qalisun</i>	оболочка, кожа

Совсем иначе ведет себя **s* в конце слогов в середине слова в позиции перед согласным, а также в абсолютном конце основы, по сути дела тоже в конце слога, только стоящего в ауслaute. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>хумэдхэ</i>	<i>хөмсөг</i>	<i>көмсг</i>	<i>kömüske</i>	брови
<i>эрид</i>	<i>эрс</i>	<i>эрс</i>	<i>eris/eres</i>	решительный, резкий
<i>эрбэд</i>	<i>ирвэс</i>	<i>ирвсг</i>	<i>irbis</i>	барс (тунк.) тигр (унг.)
<i>улад</i>	<i>улс</i>	<i>улс</i>	<i>ulus</i>	люди, народ
<i>удэхэ</i>	<i>өсөх</i>	<i>өсх</i>	<i>öskü</i>	размножаться
<i>удхэхэ</i>	<i>өсгөх</i>	<i>өскх</i>	<i>ösgükü</i>	разводить, размножать
<i>уладэхэ</i>	<i>өлсөх</i>	<i>өлсх</i>	<i>ölüskü</i>	голодать
<i>уудхэхэ</i>	<i>уусгэхэ</i>	<i>уускх</i>	<i>egüskekü</i>	затевать, зарождать
			~ <i>ууткх</i>	
<i>тодохо</i>	<i>тосох</i>	<i>тосх</i>	<i>tosqu</i>	подхватить, подставить руки
<i>туод</i>	<i>тус</i>	<i>тус</i>	<i>tus</i>	данный, этот
<i>тудаха</i>	<i>тусах</i>	<i>тусх</i>	<i>tusqu</i>	попадать в цель
<i>ород</i>	<i>орос</i>	<i>орс</i>	<i>orus</i>	русский
<i>нидэхэ</i>	<i>нисэх</i>	<i>нисх</i>	<i>niskü</i>	летать
<i>бодохо</i>	<i>босох</i>	<i>босх</i>	<i>bosqu</i>	вставать
<i>адхаха</i>	<i>асгах</i>	<i>аскх</i>	<i>asqaqu</i>	пролить, вылить
<i>дэбдихэ</i>	<i>дэвсэх</i>	<i>дэвсх</i>	<i>debiskü</i>	разостлать

Количество примеров можно увеличить, но закономерность эта проявляется регулярно. Лишь этим исторически неодинаковым положением **s* в основах слов можно объяснить, почему в бурятском языке в одних слу-

чаях на месте с других монгольских языков появился *д*, а в других — *ш*. Например, в словах *дэбдихэ* 'разостлать' и *дэбнэхэ* 'топтать' *д* и *н* находятся в современном бурятском языке в равной позиции — перед гласным и после согласного. В данной же позиции **s*, к которому восходят *д* и *н* (ср. стп.-м. *debiskü* 'разостлать' и *debäñ* 'топтать'), регулярно дает в бурятском языке *н*. В других современных монгольских языках в обоих словах представлен *с*, оказавшийся то в позиции после согласного перед гласным, например: х.-монг. *дэвсэ* калм. *девсх* 'разостлать' и х.-монг. *дэвсэх*, калм. *девсх* 'топтать'. Объясняется такой разницей между бурятским и другими монгольскими языками тем, что в бурятском слове *дэбдихэ* 'разостлать' *д* исторически восходит к **s*, стоящему в ауслaute основы — ср. стп.-м. *debis-id*, а в слове *дэбнэхэ* 'топтать' **s* находится после согласного перед гласным ср. стп.-м. *debse-id*.

Аналогично обстоит дело и со словами бур. *бодохо* 'думать' и бур. *бодохо* 'вставать' (ср. х.-монг. *босох*, калм. *босх* 'вставать'; х.-монг. *бодох*, калм. *бодх* 'думать'). Исходя из современного соответствия бурятского *д* в этих словах, например, халхаскому *с* и *д*, закономерно было бы предположить, что в слове *бодохо* 'вставать' в бурятском языке должен был бы появиться не *д*, а *н*, так как он обычно развивается на месте **s* в интервокальном положении. Но исторически *д* здесь развился из **s*, стоящего в ауслaute: ср. стп.-м. *bos-* 'встать', поэтому в бурятском имеем *д*, а не *н*. В слове же *бодохо* 'думать' исторически была основа с *д*: ср. стп.-м. *bodü-* 'думать'. В бурятском языке основы *бодо-* и *боду-* в процессе развития совпали, дав *бодо-*.

Если **s* в аффиксах стоит в начале, то он переходит в *н*. Так, например, *н* представлен в аффиксе *-нан* (причастие прошедшего времени *-наар* (продолжительное деепричастие), *-нуу* (пропозиitiv) и т.п., имеющих соответственно в халха-монгольском языке формы *-сан*, *-аасай*, в калмыцком — *-сн*, *-сар*, *-су*, в старописьменном монгольском — *-сан*, *-сагаг*, *-су*.

Если **s* аффикса стоит в ауслaute, то закономерно появляется *д*. Например, аффикс мн. числа имен существительных *-с* дал в бурятском языке *-д*: х.-монг. *нохос* — бур. *ноход* 'собака' (*нохой* 'собака'); аффикс мгновенного однократного вида от образных глаголов *-с* также в бурятском языке *-д*: х.-монг. *гылас хийх* 'сверкнуть (*гылайх* 'блеснуть') — бур. *ялад гэхэ* 'блеснуть (*ялайха* 'блестеть')'.

Особая позиция оказалась у **s* перед историческим гласным **i*. Ср. **si* в бурятском языке закономерно перешел в *ši*, а затем, смотря по родности слова, или дал *шэ* (šэ) в мягкорядных словах, или *ш* + любой гласный, развившийся на месте этого **i* после его передыхания. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>шара</i>	<i>шар</i>	<i>шар</i>	<i>šir-a</i>	желтый
<i>шубуун</i>	<i>шувуу(н)</i>	<i>шовун</i>	<i>šibaγun</i>	птица
<i>ааша</i>	<i>ааш</i>	<i>ааш</i>	<i>аγаši</i>	характер
<i>шэнэ</i>	<i>шинэ</i>	<i>шин</i>	<i>šine</i>	новый
<i>дүшэ</i>	<i>дөш</i>	<i>дөш</i>	<i>döši</i>	наковальня.

Лишь в говоре олонских хамниган **s* перед **i* продолжает сохраняться в виде того же *с*, хотя и не у всех групп хамниган. У некоторых все же **si* → *ši* [см.: Дамдинов 1968, с. 83]. Примеры:

Хамниг.	Бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>сйбар</i> ~ <i>ш'ивар</i>	<i>шабар</i>	<i>шавар</i>	<i>šibar</i>	глина
<i>сйнага</i> ~ <i>ш'инага</i>	<i>шанага</i>	<i>шанага</i>	<i>šinaya</i>	ковш
<i>ситакху</i> ~ <i>ш'итаха</i>	<i>шатаха</i>	<i>шатах</i>	<i>šitaqu</i>	гореть.

Переход **s* в *ш* произошел также в позиции перед сочетанием **ki*, т.е. в сочетании **ski*, которое получило вид *ški*, например:

Стп.-м.	Бур.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>ayuski</i>	<i>уушха</i>	<i>уушиг</i>	<i>оошк</i>	легкие
<i>giskiri</i>	<i>гэшихэ</i>	<i>гишгэ</i>	<i>ишк</i>	ступать
<i>qaskira-</i>	<i>хашхар-</i>	<i>хашгир-</i>	<i>хэшкр-</i>	кричать

Влияние **i*, таким образом, оказалось настолько сильным, что подействовало на переход **s* → *ш* через согласный.

В бурятских говорах наблюдается довольно интересная картина поведения ауслautного *д* (< **s*), который попадает на стыке морфем при словообразовании и словоизменении в интервокальное положение. Картина следующая (о некоторых наблюдениях см. выше, в разделе о **d*).

В цонгольском, сартульском говорах и у хамниган отмечается переход ауслautного *д* в *с*, когда он попадает между гласными: буряад 'бурят' — буряасые 'бурята' (вин. пад.), буряасаар 'по-бурятски' (лит.-бур. буряадые, буряадаар); морид 'кони' — морисые 'коней' [см.: Будаев 1965, с. 162; Будаев 1965, с. 138; Дамдинов 1968, с. 101].

У хоринцев, баргузинцев, эхирит-булагатов наблюдается переход ауслautного *д* в этой позиции в *ш*: морид 'кони' — моришиие 'коней' [см.: Раднаев 1965, с. 83; Алексеев, с. 89; Шагдаров 1967, с. 96].

У боханцев отмечено чередование этого *д* с *н*: бодоод — боноод 'встав', садаад — саһаад 'наевшись', хонидоор — хониһоор 'овцами', хошоод — хошоһоор 'по два', дурбөөд — дурбөөһөөр 'по четыре' [см.: Хомонов 1965, с. 43, 56].

По свидетельству Б.В. Матхеева [1970, с. 58], "южно-булагатскому интервокальному *д* в северо-булагатском, как правило, находим регулярное соответствие звука "h". Например, садаад — саһаад 'насытившись', бодоод — боһоод 'стоя', моридоо — мориһоо 'лошадей'".

Таким образом, тенденция поведения **s* такова, что в литературном бурятском языке он дает *н* в начале слова и аффикса, между гласными, если второй гласный не **i*, после согласного перед гласным, олять-таки если он не **i*, в конце же слогов перед согласным и в абсолютном конце основы и аффикса он переходит в *д*, который не изменяет уже своего качества, даже попав в положение, при котором **s* → *н*.

В живых же говорах картина несколько иная. Здесь закон перехода **s* → *н* или **s* → *д* при появлении соответствующих комбинаторных условий, указанных выше, осуществляется довольно последовательно. Если создаются условия, при которых **s* → *н*, то *д*, возникший здесь на месте **s*, закономерно дает *н*, как если бы это был *с*. Если же этот *д* вдруг ока-

зывается в положении перед *и*, то тут же срabатывает закон перехода **š* → *š*i, и мы имеем чередование *д/ш*. В ряде говоров этот *г* произносится как задний гласный типа *ы*, поэтому *д* чередуется не с *ш*, а с *н*. Просто здесь закономерно происходит переход **s* в *h*, так как оно оказывается в обычной интервокальной позиции.

Только этой закономерностью можно объяснить появление в бурятском языке диалектных пар: зап.-бур. *боһохо* // лит.-бур. *бодохо* 'вставать'; зап.-бур. *дууһаха* // лит.-бур. *дуудаха* 'кончиться', зап.-бур. *тоһохо* // лит.-бур. *тодохо* 'подставить руки' и т.п.

Звук *h*, появившийся на месте **s* в интервокальном положении в ряде бурятских говоров весьма неустойчив и имеет тенденцию к ослаблению и выпадению, за счет чего образуется вторичная долгота гласного. Это характерно главным образом для западных бурятских говоров, о чем выше уже подробно было сказано.

В литературном бурятском языке довольно много слов, в которых **s* сохраняется в виде того же *s*, например:

амисхал — х.-монг. *амьсгал*, калм. *амьсхл*, стп.-м. *amisyal* 'дыхание';

соёл — х.-монг. *соёл*, стп.-м. *soyul* 'культура';

түсэб — х.-монг. *түсөв*, стп.-м. *tösüb* 'план';

асууха — х.-монг. *асуух*, стп.-м. *asayichu* 'задавать вопрос';

соносхо — х.-монг. *сонсох*, калм. *сонсх*, стп.-м. *sonusqu* 'слушать';

алас — х.-монг. *алс*, стп.-м. *alus* 'дальний';

дэбисхэр — х.-монг. *дэвсгэр*, калм. *девскр*, стп.-м. *debisker* 'подкладной опора; территория';

хүсэхэ — х.-монг. *хүсэх*, калм. *күсх*, стп.-м. *küsekü* 'желать, хотеть';

эсэргүү — х.-монг. *эсэргүү*, *эсрэг*, калм. *эсргү*, *эсрг*, стп.-м. *esergüü* 'против, наперекор, вопреки'.

Почти все они квалифицируются как слова, пришедшие в литературный бурятский язык из монгольского (в частности старописьменного) языка и образуют зачастую в современном литературном бурятском языке пласт книжных слов с возвышенным, приподнятым пиететом [См. Цыдендамбаев 1972, с. 635, 640—642].

Ряд подобных слов имеет свои параллели, содержащие не *с*, а *h*. В бурятские фонетические формы, например:

амсаха//*амһаха* 'пробовать' — х.-монг. *амсах*, стп.-м. *amsaqu*;

дүрсэ//зап.-бур. *дүрһэн* 'внешность, облик, вид, форма' — х.-монг. *дүрс(эн)*, калм. *дүрсн*, стп.-м. *dürsün, dürisün id.*;

дэбэсэ 'подушка на седле, накладка на чепраке'//*дэбһэн* 'чепраки на седлах на чепраке';

хасаха//*хаһаха* 'лишать; изымать, вычитать' — х.-монг. *хасах*, калм. *хасх*, стп.-м. *qasaquid.*;

хэсэг//зап.-бур. *хэһэг* 'часть; куча' — х.-монг. *хэсэг*, калм. *кесг*, стп.-м. *keseg id.*;

тус//*түд* 'каждый в отдельности' — х.-монг. *тус тус*, калм. *тус тус*, стп.-м. *tus tus id.*;

түгэс//*түгэд* 'полный, все, целиком' — х.-монг. *төгс*, калм. *төгс*, стп.-м. *tögüs, tegüs id.*;

улас 'страна, государство'//*улад* 'люди, народ' — х.-монг. калм. *улас*, стп.-м. *ulus* 'страна; народ';

сарьдаг//*һарьдаг* 'гольцы, покрытые вечным снегом' — х.-монг. *сарьдаг*, стп.-м. *sariday id.*;

сомон//*һомон* 'административная единица сомон' — х.-монг. *сум(ан)*, стп.-м. *sumun id.*;

субад//*һубад* 'жемчуг' — х.-монг. *сүвд*, калм. *сүвсн*, стп.-м. *subad id.*;

сонин (устаревшее) 'газета'//*һонин* 'новости; интересный' — х.-монг. *сонин*, калм. *соньн*, стп.-м. *sonin id.*;

сүйд//*һүйд* 'беда, авария' — х.-монг. *сүйд*, стп.-м. *süyid id.*;

сүлдэ//*һүлдэ* 'духовная мощь, символ' — х.-монг., калм. *сүлд*, стп.-м. *sülde* 'знамя'.

Варианты с сохранившимися *с* являются бесспорно монголизмами. Монголизмами, пожалуй, следует признать и слова, сохраняющие *с* и бытующие в разговорном языке, частично являясь общебурятскими словами. Примеры:

сайн 'здравствуйте', ср. *һайн* 'хороший; хорошо' — х.-монг. *сайн*, калм. *сәән*, стп.-м. *sayin* 'хороший; хорошо';

сабха (юж.-бур.) 'вилка; палочки для еды' — х.-монг. *савх*, калм. *савх*, стп.-м. *sabqa* 'палочки для еды';

суу (окин., тунк.) 'молоко', ср. вост.-бур., лит.-бур. *һун*, зап.-бур. *уһун* — х.-монг. *суу(н)*, калм. *усн*, стп.-м. *sün id.*;

суусари (окин., тунк.) 'помесь соболя и куницы' — х.-монг. *суусар*, калм. *сууср*, стп.-м. *suusar, sausar* 'куница';

тэсэхэ 'терпеть' — х.-монг. *тэсэх*, калм. *тесх*, стп.-м. *tesekü id.*;

эсэхэ 'кроить, делать надрез' — х.-монг. *эсгэх*, калм. *ишкх*, стп.-м. *esgekü id.*;

огсом//*агсам* (зап.-бур.) 'резвый, горячий, буйный' — х.-монг. *агсам*, калм. *агсм*, стп.-м. *aysum id.*

В эпических произведениях, улигерах о Гэсэре, Ерэнсэе и т.п. часто появляются формы, в которых сохраняется **s*, например: *морин сайхан хулуг* (вм. *морин һайхан хулэг*) 'добрая лошадь-аргамак', *тиисэн яасан хойном* (вм. *тиһэн яһан хойном*) 'после того, как так было', *һуран суран байна* (вм. *һуран һуран байна*) 'стоит и переспрашивает' [см.: Хомяков 1965, с. 43]. Сохранение **s* в эпосе можно объяснить тем, что он обычно канонизирует те формы, которые были живыми при его создании, а эволюция языка эпоса обычно проходит медленнее эволюции разговорного языка. Ставшие непонятными слова и формы обычно снабжаются повторными, более понятными словами (и даже предложениями), так появляются пары типа *һуран суран байна*, где *һуран* — бурятская производная форма общемонгольского *суран*.

*š

Относительно исконности фонемы **š* в монгольских языках у монголистов нет твердой убежденности. Так, Г.Д. Санжеев [1953, с. 96] пишет, что "спирант *ш* некогда отсутствовал в монгольских диалектах (еще около XIII в.) и образовался из свистящего *с* в положении перед гласными *i*".

Н.Н. Поппе считает [1955, р. 125], что "в письменномонгольском языке консонант *š* оказывается и перед иными гласными, чем **i*. Сомнительно, 6-3. Зак. 780

что консонант *ʃ* является всегда (в этих случаях. — В.Р.) первичным. Возможно, что гласный, непосредственно следующий за консонантом, проблематично является (гласным) вторичного происхождения и развился из *i. С другой стороны, многие основы с *ʃ*, сопровождаемым иным гласным, чем *i, могут быть заимствованы из других языков, например: монг.-письм. *šatu* 'лестница' < тюрк. *šatu* id.; Мо. *šoγ* 'шутка' < тюрк. (ср. алтайско-теленгитск. и т.п.) *šoq* 'злодейство, подлость' и т.д." (перевод наш В.Р.).

Б.Я. Владимирцов [с. 374–375] тоже считал, что "в монг.-письме очень мало слов, которые можно было бы признать как имевшие несомненное *ʃ* ... В XII–XIII вв., а может быть и в более раннюю эпоху, в монгольский языковой мир, в монг.-письм., проникло много слов, заимствованных из разных языков, имевших фонему *ʃ* в самых разнообразных положениях". В качестве примеров он приводит слова: стп.-м. *nišan* < уйг. *nišan* 'знак, клеймо' < среднеперс. *nišan*; п.-монг. *šabi* ~ *šami* < уйг. *šabi* 'ученик, буддийский novice' < кит. *ша-ми* < кучар. *saṃṃi* < санскр. *ṣāṃaṇa*; монг.-письм. *šasiṅ* 'религия, вера' < **šasan* хотан. *sa-sam* < фарс. *šāsana*. По его наблюдениям, в древнемонгольском языке *ʃ* встречалось в основном лишь перед *i*, перед другими же гласными очень редко. И даже в заимствованных словах, где после *ʃ* и не было *i*, монголы для передачи *ʃ* стали писать *ši*. [см.: Владимирцов, с. 376]. Примеры он приводит такие: стар. монг.-письм. *šitaran*, нов. монг.-письм. *šitara* (халх. *шатар*) < перс. *šatrang* (< санскр. *ṣaturaṅga*) 'шахматы'; монг.-письм. *šiker* < перс. *šakar* 'сахар'.

Владимирцов [с. 377] отметил также передачу монголами *s* в заимствованных словах как *ʃ*: "Довольно часто чередование *s* и *ʃ* наблюдается в словах заимствованных, причем можно отметить, что формы с *s* получили большее распространение".

Таким образом, все указывает на то, что **ʃ* как будто бы не был характерен для монгольских языков. В современных языках он развился из **s* в позиции перед **i* или в некоторых случаях из **ʃ* [см.: Владимирцов, с. 376].

Однако почти во всех современных монгольских языках, во всяком случае в халха-монгольском, бурятском и калмыцком, довольно заметная группа слов содержит в анлауте звук *ш*, причем усомниться в его исконности нет оснований, так как это междометия, образные и звукоподражательные слова. Дело в том, что смена даже одного звука, гласного или согласного, меняет смысл этих слов и иногда коренным образом, поэтому слова такого рода довольно устойчивы. Примеры:

бур. *шалд* — междометие, передающее всплеск, ср. калм. *шалд* id.;

бур. *шаад* — междометие, выражающее пронзительный крик;

бур. *шуу* — междометие, служащее для подзывания коз;

бур. *шуурд* — звукоподражание треску, ср. стп.-м. *šurdkikü*, *šord kiki* 'производить шум (о взлетевшей внезапно птице)';

бур. *шуг-шуг* — звукоподражание скулению щенка;

бур. *шан-шан гэхэ* 'издавать звонкий жалобный звук (напр. о щенке)', ср. стп.-м. *šang šang gekü* 'докучать, надоедать';

шоб-шоб гэхэ 'чмокать';

бур. *шар-шар гэхэ*, *шар-шур гэхэ* 'скрипеть, хрустеть', ср. х.-монг. *шар шур хийх*, *шар шур хийх*, калм. *шар шар гих*, *шар шир гих*, *шар шур гих*,

стп.-м. *šar šar gekü id.*;

бур. *шал-шал гэхэ*, *шал-шул гэхэ* 'булькать (о воде); шлепать (по грязи)'; ср. х.-монг. *шал шал гэх* 'шлепать (по грязи)', калм. *шал-шал гих*,

стп.-м. *šal šal gekü* 'булькать; чавкать';

бур. *шарбага шорбого гэхэ* 'вильнуть (хвостом)';

бур. *шагтайха* 'быть низко подпоясанным';

бур. *шалбайха* 'быть вывороченными или выпяченными (о губах);

бур. *шобойхо* 'быть остроконечным', ср. х.-монг. *шовойх*, стп.-м. *šobuyiqu id.*;

бур. *шумбыхэ* 'быть конусосбразным', ср. х.-монг. *шамбийх id.*

Для тюркских языков тоже видимо, не был характерен звук *ʃ*, особенно в начале слова. По этому поводу М. Ряснен [с. 155] пишет: "Существование в древнетюркском языке начального *ʃ*- спорно... *ʃ*- встречается в заимствованиях и звукоподражаниях". В современных тюркских языках *ʃ* в начале слов встречается гораздо чаще. В середине и конце слов *ʃ* имелся и в древнетюркском языке, хотя и чередовался в некоторых тюркских памятниках с *s*: *baš//bas* 'голова', *barmiš//barmis* 'пошел', *beš//bes* 'пять' и т.п.

Если в древнем монгольском языке фонема *ʃ* была почти неупотребительна, часто заменяясь и в заимствованных словах на *s*, то за период эволюции языка картина изменилась коренным образом. Как отмечает И.Д. Бураев [1959, с. 86]: "Фонема *ш* является одним из самых употребительных звуков бурятского языка. Встречается преимущественно в начальной позиции слога".

*п

В отличие от тюркских языков, в которых для их древнего состояния звук *п* не был характерен в начале слова, за исключением, пожалуй, единственной лексемы *ne* 'что', и то которую Рамстедт считал более поздним случаем ассимиляции (< **je* — *n*) [см.: Ряснен, с. 176], а употреблялся лишь в середине и в конце слов, в истории монгольских языков **п* более распространенный звук. Он был характерен как для анлаута, так и инлаута и ауслота древнемонгольских слов.

В современном бурятском языке и его говорах это тоже весьма употребительный звук. По свидетельству И.Д. Бураева [1959, с. 82], "фонема *п* употребляется преимущественно в начале слога; в исходе слога внутри слога, встречается довольно ограниченно только перед переднеязычными согласными *т*, *д*, *с*, например: *мандаха* 'процветать, здравствовать', *мантагар* 'головастый', *сэнтэй* 'ценный', *монсогор* 'круглый'. В литературном бурятском языке *п* в исходе слова не встречается. В других диалектах, в частности в боханском, также в агинском подговоре хоринского диалекта фонема *п* употребляется в исходе слова в качестве показателя 3-го лица притя-

жательного склонения, которому в литературном языке соответствует мягкая фонема *н'* (*нь*)".

Эволюция **п* в бурятском языке проходила неравномерно в начале, середине и конце слова и дала различные рефлексy. Поэтому целесообразно рассматривать ее в зависимости от положения **п* в слове.

В анлауте, в позиции перед любым гласным, кроме **и*, **п* в бурятском языке сохраняет свое качество, как и в других монгольских языках, например:

бур. *намар* — х.-монг. *намар*, калм. *намр*, даг. П *намър*, орд., МА, MNT стп.-м. *namug* 'осень';

бур. *номо* — х.-монг. *нум* (*ан*), калм. *нумн*, орд. *numu*, даг. П *нѐм*, МА, MNT, стп.-м. *numun* 'лук (оружие)';

бур. *нэрэ* — х.-монг. *нэр* (*эн*), калм. *нерн*, орд. *пеге*, даг. П *нѐр*, мог. *пегэ*, МА, MNT, стп.-м. *пеге* 'имя';

бур. *нураха* — х.-монг. *нурах*, калм. *нурх*, дунс. *нура-*, стп.-м. *nutag* 'обвалиться, обрушиться'.

Развитие начальных согласных, стоящих в положении перед **и*, в процессе эволюции привело к значительному изменению этих согласных, изменился и сам гласный **и*, дав другие рефлексy в результате так называемых "переломов". Г.Д. Санжеев [1953, с. 118] по этому поводу пишет: "На одном из начальных этапов борьбы между сингармонизмом звуков и агглютинацией фонемы **и* и *и* в ранних монгольских диалектах подверглись полной конвергенции, слившись в одну фонему *и* различного качества, а последняя затем начала подвергаться регрессивной ассимиляции, т.е. исчезать в начальном положении, превращаясь в другие гласные фонемы, но исчезать в большинстве случаев не бесследно, а отражалось в виде палатализованного характера предшествующего ей гласного".

Например, древнее *пауиг* дало через промежуточную ступень *паиш* современное бурятское *нуур* 'озеро', которому соответствуют х.-монг. *нуур*, калм. *нур*, даг. П *наур*, орд. *niŋ*, монгол. *нүр* id. Древнее же *пиш* через *пи'и* дало бурятское *нюур* 'лицо' (с палатализованным *н*), которому соответствуют х.-монг. *нуур*, калм. *нур*, монгол. *нүр*, мог. *пиш*, дунс. *ниу*, баон. *нор*, дарх. *н'ур* id.

Сравнительный материал показывает, что в современном бурятском языке, во всех его говорах, за исключением, пожалуй, лишь сартульского, в котором вообще отсутствуют палатализованные согласные в начале тех слогов [см.: Бураев 1965, с. 124], где в остальных бурятских говорах имеется палатализованный *н*, довольно широко представлена палатализация начального **п*. В бурятских говорах и в литературном языке довольно последовательно общемонгольский **п* перед **и* отражается в виде палатализованного *н'*. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>нюу-</i>	<i>нуу-</i>	<i>нуу-</i>	<i>niyu-</i>	<i>ni'ü-</i>	прятать
<i>нюрган</i>	<i>нуруу</i>	<i>нурһн</i>	<i>niruyun</i>	<i>nirün</i>	спина
<i>нюдэн</i>	<i>нуд</i>	<i>нудн</i>	<i>nidün</i>	<i>nidün</i>	глаз
<i>нѐлбоһон</i>	<i>нулимс</i>	<i>нульмсн</i>	<i>nilbusun</i>	<i>nilbusun</i>	слезы
<i>нялха</i>	<i>нялх</i>	<i>нилх</i>	<i>nilqa</i>	<i>nilqa</i>	новорожденный
<i>нютаг</i>	<i>нутаг</i>	<i>нутг</i>	<i>nituy</i>	<i>nutuq</i>	родина

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>нюсэгэн</i>	<i>нуцгэн</i>	<i>нуцгн</i>	<i>ničügün</i>	<i>ničügün</i>	голый
<i>нюдарга</i>	<i>нударга</i>	<i>нудрһ</i>	<i>nidurqa</i>	<i>nudurqa</i>	кулак
<i>нягта</i>	<i>нягт</i>	<i>нигт</i>	<i>niyta</i>		плотно
<i>нялуун</i>	<i>нялуун</i>	<i>нилуун</i>	<i>niluyun</i>		приторный
<i>нѐдонон</i>	<i>ноднин</i>	<i>нидн</i>	<i>nidunun</i>	<i>nidoni</i>	прошлый
				(MNT)	год

Как видно из примеров, в бурятском языке более последовательно отражена палатализация, чем в халха-монгольском, а в калмыцком имеются даже случаи сохранения *и*. Это все свидетельствует, что процесс перелома **и* и палатализация предшествующих согласных проходили в монгольских языках неравномерно и в каждом языке сами по себе.

Приведенный выше материал свидетельствует также, что в тех случаях, где в халхаском и калмыцком языках отсутствует палатализация при наличии перелома гласного **и*, этот перелом произошел еще в то время, когда на месте *и* в твердоядных словах был представлен еще задний **г'* (типа *ы*). В таких случаях перелом **и* не затронул предшествующего согласного [см.: Санжеев 1953, с. 119]. В этом процессе халхаский и калмыцкий языки имеют много общего. Материал монгольского языка XIV в. по драматнику "Мукаддимат ал-Адаб" свидетельствует, что уже к тому времени ряд слов (типа *nudurqa* 'кулак', *nutuq* 'родина') уже претерпели перелом на стадии **и*. Бурятский же язык, видимо, испытал перелом гораздо позднее, когда **и* и **и* конвергировались в одном *и*. Хотя единичные примеры говорят, что и в бурятском языке был возможен перелом на стадии **и*, например: бур. *нарай* 'новорожденный' — х.-монг. *нярай*, калм. *нирэ*, *нира*, орд. *niṙā id*, стп.-м. *niṙai id*. Но все же бурятский язык дает в основном палатализованные формы с переломом, хотя есть формы и без перелома, например: *низа/ниса* 'вдребезги', ср. х.-монг. *няц*, стп.-м. *niča id*; *нилааха* 'размазывать', ср. х.-монг. *нялах*, стп.-м. *nila*, Ма *nila* 'штукатурить'.

Наличие палатализации у **п* позволяет с уверенностью предполагать в древнем монгольском языке праформы с **и* после **п*, хотя в письменном монгольском языке это *и* уже не писалось, например:

бур. *нюхаха* 'мять, растирать, разминать' < **niqu-*, хотя стп.-м. *niqu-*, ср. х.-монг. *нухах*, калм. *нухх id*;

бур. *нюдэхэ* 'толочь в ступе' < **nidü-*, ср. стп.-м. *nüdü-*, х.-монг. *нудэх*, калм. *нудх*, дунс. *нуду-*, баон. *нэдэ* 'толочь, измелить';

бур. *няаха* 'клеить' < **niya-*, ср. стп.-м. *niya-*, *niya-*, х.-монг., калм. *наах*, MNT *ni'aḥu*, МА *ni'ā*, *ni'ā-*, дунс. *ниа-*, монгол. *на*, дарх. *н'алдаха* 'приклеиваться'.

Бурятский язык, видимо, довольно долго сохранял **и*, не подвергшееся перелому, что явилось условием образования палатализованных согласных, при начавшемся впоследствии переломе. Перелом гласного **и* начался в бурятском языке, вероятно, позднее, чем в халхаском и даже калмыцком, так как бурятский язык в гораздо большем объеме, чем калмыцкий, сохраняет, особенно в твердоядных словах, гласный **и*, не подвергшийся перелому, например:

бур. *бишихан*, калм. *бички*, *бичхи* — х.-монг. *бицхан*, стп.-м. *bičiqan* 'маленький';

бур. *илгаха*, калм. *илхх* — х.-монг. *ялгах*, стп.-м. *ilγaγu* 'выбирать, различать, выделять';

бур. *хилар* — калм. *хальр*, х.-монг. *хялар*, стп.-м. *kilar* 'косой (о глазах)';

бур. *химда*, калм. *кимд* — х.-монг. *хямд*, стп.-м. *kimda* 'легкий; дешевый';

зап.-бур. *н'имаан* — лит.-бур. *ямаан*, калм. *яман*, х.-монг. *ямаа(н)*, стп.-м. *imaγan* 'коза'.

В середине слова *п обычно сохраняет свое качество между мягкорядными и твердорядными гласными и превращается в палатализованный *н'* перед нейтральным *и*. Примеры:

бур. *энэ* — х.-монг. *энэ*, калм. *эн*, мог. *enā*, даг. П *ēn* ~ *ēnē*, монгор. *не*, орд., МА, MNT, стп.-м. *ene* 'это';

бур. *уна* — х.-монг. *уна*, калм. *ун*, мог. *unō*, монгор. *унā*, даг. П *woγanā*, орд., МА, MNT, стп.-м. *upa* 'падать';

бур. *тэнюун* — х.-монг. *тэнуун*, стп.-м. *tenigün* 'спокойный';

бур. *энеэ* — х.-монг. *инээ*, калм. *инэ*, MNT *ine* 'е', МА *inē*, стп.-м. *iniye* 'смеяться', даг. П *инēд* 'смех';

Таким образом, в результате палатализирующего влияния гласного *и* в бурятском языке развилось противопоставление твердого *н* и палатализованного *н'*, развившихся, как и в анлауте, из одного *п. Примеры:

ханааха (< *qanaγaγu*) 'удов- — *ханяаха* (< *qaniγaγu*) 'кашлять' летворять'

хоноор (< *sonu-bar*) 'оводом' — *хонёор* (< *sonin-iyar*) 'интересно'

хоноо (< *qonuγa*) 'ночевал' — *хонёо* (< *qoni-baγ*) 'свою овцу'

В конце слога, в положении перед согласным, наблюдаются случаи чередования *н* с губным носовым *м*:

хамсы//*ханисы* 'рукав', ср. х.-монг. *ханцуи*, калм. *ханци*, стп.-м. *qančui*, *qančui*, МА *qanču*, *qančun* id.;

умда//*унда* 'напиток; жажда', ср. х.-монг. *унд*, *ундаа*, калм. *унд*, *ундн*, *умд*, *умдн*, стп.-м. *unda* id.

О чередовании *п* и *т* еще в старописьменном монгольском языке и в средневековых монгольских диалектах, например: *unta*//*umta* 'спать', *unda*//*umda* 'напиток; жажда', *dunda*//*dumda* 'середина', *öndügen*//*ömdügen* 'яйцо', писал Владимирцов [с. 348]. В современных монгольских языках подобные чередования продолжают сохраняться.

В конце слова *п, как и в халха-монгольском языке, во всех бурятских говорах перешел в заднеязычный *γ*. При этом в халха-монгольском языке у имен существительных в именительном падеже этот *γ* (< *п) исчезает, в бурятском же сохраняется. У прилагательных и числительных *γ* сохраняется в обоих языках. В калмыцком языке *п везде в конце слов сохраняет свое качество. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>хурдан</i> (<i>χurdλγ</i>)	<i>хурдан</i> (<i>χurdλγ</i>)	<i>хурдн</i> (<i>χurdλn</i>)	qurdun	qurdun	быстрый
<i>он</i>	<i>он</i>	<i>он</i>	on	hon	год

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
(<i>оγ</i>)	(<i>оγ</i>)	(<i>оn</i>)			
<i>шуһан</i> (<i>šuhλγ</i>)	<i>цус(ан)</i> (<i>tɕu(sλγ)</i>)	<i>цусн</i> (<i>tɕusλn</i>)	čisun	čisun	кровь
<i>табан</i> (<i>tabλγ</i>)	<i>тав(ан)</i> (<i>tav(λγ)</i>)	<i>тавн</i> (<i>tavλn</i>)	tabun	tabun	пять

При склонении же основ с этим конечным *γ* он в ряде падежей исчезает, в некоторых же падежах выступает в виде исконного переднеязычного *п. Ср., например, парадигмы склонения в некоторых монгольских языках слова *модон* 'дерево':

	Бур.	Калм.	Х.-монг.	Стп.-м.
Им.п.	<i>модон(γ)</i>	<i>модн(н)</i>	<i>мод</i>	modun
Род.п.	<i>модоной</i>	<i>модна</i>	<i>модны</i>	modun-u
Вин.п.	<i>модо, модые</i>	<i>мод, модыг</i>	<i>мод, модыг</i>	modu-yi
Дат.п.	<i>модондо</i>	<i>моднд</i>	<i>модонд</i>	modun-du (γ)
Исх.п.	<i>модонһоо</i>	<i>моднас</i>	<i>модноос</i>	modun-ača
Оруд.п.	<i>модоор</i>	<i>модар</i>	<i>модоор</i>	modu-bar
Совм.п.	<i>модтой</i>	<i>модта</i>	<i>модтой</i>	modu-tai
Соед.п.	—	<i>моднла</i>	—	modun-luγa
Напр.п.	—	<i>моднур</i>	—	—

В бурятских говорах, помимо отмеченных выше модификаций *п в виде *н*, *н'* и *γ* (орф. *н(г)*), наблюдаются также случаи перехода *п в начале и середине слова в среднеязычный щелевой *ј*. Это характерно для западных говоров. Так, например, исследователь говора качугских бурят А.Г. Митрошкина [1968, с. 52] пишет: "Начальному *й* качугского говора изредка в литературном языке соответствует звук *н*: качугское сочетание *йэптэ нэрхэ* (насквозь промокнуть) соответствует литературному *нэбтэ нэрэхэ* с тем же значением". В словаре К.М. Черемисова [1973] обнаруживается ряд слов, в которых на месте звука *н* других бурятских говоров и монгольских языков появляется *й*. При этом все эти слова имеют помету *зап.*, что означает их западнобурятское происхождение. Примеры:

зап.-бур. *ебтэ* — лит.-бур. *нэбтэ* 'насквозь', ср. х.-монг. *нэвт*, калм. *непт*, стп.-м. *nebte* id.;

зап.-бур. *ебтээхэ* 'мочить, размачивать' — лит.-бур. *нэбтэрхэ* 'проходить насквозь, просачиваться, промокать насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрэх*, калм. *нептрх*, стп.-м. *nebtereki* id.;

зап.-бур. *ебтэрхэй* — лит.-бур. *нэбтэрхэй* 'сквозной; впитывающийся, просачивающийся, промокший насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрхий*, калм. *нептркэ*, стп.-м. *nebterkei* id.;

зап.-бур. *хуйгэн* — лит.-бур. *хунгэн* 'легкий', ср. х.-монг. *хөнгөн*, калм. *гшигн*, *гөүгн*, стп.-м. *könggen* id.;

зап.-бур. *хуйгэрхэ* — лит.-бур. *хунгэрхэ* 'стать легким; подешеветь', ср. х.-монг. *хөнгөрөх*, стп.-м. *könggerekü* 'стать легким'.

Подобный же переход *п в *ј* фиксируется Б.Х. Годаевой [1960, с. 28] в хорчинском говоре восточного диалекта монгольского языка Внутрен-

бур. *бишыхан*, калм. *бички*, *бичхи* — х.-монг. *бияцхан*, стп.-м. *bišiqan* 'маленький';

бур. *илгаха*, калм. *илхх* — х.-монг. *ялгах*, стп.-м. *ilyaqu* 'выбирать, различать, выделять';

бур. *хилар* — калм. *хальр*, х.-монг. *хялар*, стп.-м. *kilar* 'косой (о глазах)';

бур. *химда*, калм. *кимд* — х.-монг. *хямд*, стп.-м. *kimda* 'легкий; дешевый';

зап.-бур. *н'имаан* — лит.-бур. *ямаан*, калм. *яман*, х.-монг. *ямаа (н)*, стп.-м. *imaγan* 'коза'.

В середине слова *п обычно сохраняет свое качество между мягкорядными и твердорядными гласными и превращается в палатализованный *н'* перед нейтральным *и*. Примеры:

бур. *энэ* — х.-монг. *энэ*, калм. *эн*, мог. *enā*, даг. П *ēn* ~ *ēnē*, монгол. *не*, орд., МА, MNT, стп.-м. *ene* 'это';

бур. *уна* — х.-монг. *уна*, калм. *ун*, мог. *unō*, монгол. *унā*, даг. П *wōnā*, орд., МА, MNT, стп.-м. *upa* 'падать';

бур. *тэнуун* — х.-монг. *тэнуун*, стп.-м. *tenigün* 'спокойный';

бур. *энеэ* — х.-монг. *инээ*, калм. *инэ*, MNT *ine* 'е', МА *inē*, стп.-м. *iniye* 'смеяться', даг. П *inēd* 'смех';

Таким образом, в результате палатализирующего влияния гласного *и* в бурятском языке развилось противопоставление твердого *н* и палатализованного *н'*, развившихся, как и в анлауте, из одного *п. Примеры:

ханааха (< *qanayaqu*) 'удов. — *ханяаха* (< *qaniyaqu*) 'кашлять' летворять'

хоноор (< *sonu-bar*) 'оводом' — *хонёор* (< *sonin-iyar*) 'интересно'

хоноо (< *qonuγa*) 'ночевал' — *хонёо* (< *qoni-ban*) 'свою овцу'

В конце слога, в положении перед согласным, наблюдаются случаи чередования *н* с губным носовым *м*:

хамсы//*ханисы* 'рукав', ср. х.-монг. *ханцуи*, калм. *ханци*, стп.-м. *qančui*, МА *qančui*, *qančun* id.;

умда//*унда* 'напиток; жажда', ср. х.-монг. *унд*, *ундаа*, калм. *унд*, *унд*, *умд*, *умдн*, стп.-м. *unda* id.

О чередовании *п* и *т* еще в старописьменном монгольском языке и средневековых монгольских диалектах, например: *unta*//*umta* 'спать', *unda*//*umda* 'напиток; жажда', *dunda*//*dumda* 'середина', *öndügen*//*ömdügen* 'яйцо', писал Владимирцов [с. 348]. В современных монгольских языках подобные чередования продолжают сохраняться.

В конце слова *п, как и в халха-монгольском языке, во всех бурятских говорах перешел в заднеязычный *η*. При этом в халха-монгольском языке у имен существительных в именительном падеже этот *η* (< *п) исчезает, в бурятском же сохраняется. У прилагательных и числительных *η* сохраняется в обоих языках. В калмыцком языке *п везде в конце слов сохраняет свое качество. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>хурдан</i> (<i>χurdλŋ</i>)	<i>хурдан</i> (<i>χurdλŋ</i>)	<i>хурдн</i> (<i>χurdλn</i>)	<i>qurdun</i>	<i>qurdun</i>	быстрый
<i>он</i>	<i>он</i>	<i>он</i>	<i>on</i>	<i>hon</i>	год

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
(<i>ɔŋ</i>)	(<i>ɔŋ</i>)	(<i>ɔn</i>)			
<i>шуһан</i>	<i>цус(ан)</i>	<i>цусн</i>	<i>čisun</i>	<i>čisun</i>	кровь
(<i>ʃuɦλŋ</i>)	(<i>tʃu(sλŋ)</i>)	(<i>tʃusλn</i>)			
<i>табан</i>	<i>тав(ан)</i>	<i>тавн</i>	<i>tabun</i>	<i>tabun</i>	пять
(<i>tabλŋ</i>)	(<i>tav(λŋ)</i>)	(<i>tavλn</i>)			

При склонении же основ с этим конечным *η* он в ряде падежей исчезает, в некоторых же падежах выступает в виде исконного переднеязычного *п. Ср., например, парадигмы склонения в некоторых монгольских языках слова *модон* 'дерево':

	Бур.	Калм.	Х.-монг.	Стп.-м.
Им.п.	<i>модон (η)</i>	<i>модн (п)</i>	<i>мод</i>	<i>modun</i>
Род.п.	<i>модоной</i>	<i>модна</i>	<i>модны</i>	<i>modun-u</i>
Вин.п.	<i>модо, модые</i>	<i>мод, модыг</i>	<i>мод, модыг</i>	<i>modu-yi</i>
Дат.п.	<i>модондо</i>	<i>моднд</i>	<i>модонд</i>	<i>modun-du (r)</i>
Исх.п.	<i>модонһоо</i>	<i>моднас</i>	<i>модноос</i>	<i>modun-ača</i>
Оруд.п.	<i>модоор</i>	<i>модар</i>	<i>модоор</i>	<i>modu-bar</i>
Совм.п.	<i>модтой</i>	<i>модти</i>	<i>модтой</i>	<i>modu-tai</i>
Соед.п.	—	<i>моднла</i>	—	<i>modun-luγa</i>
Напр.п.	—	<i>моднур</i>	—	—

В бурятских говорах, помимо отмеченных выше модификаций *п в виде *н*, *н'* и *η* (орф. *н(г)*), наблюдаются также случаи перехода *п в начале и середине слова в среднеязычный шелевой *й*. Это характерно для западных говоров. Так, например, исследователь говора качугских бурят А.Г. Митрошкина [1968, с. 52] пишет: "Начальному *й* качугского говора изредка в литературном языке соответствует звук *н*: качугское сочетание *йэптэ нэрхэ* (насквозь промокнуть) соответствует литературному *нэптэ нэрэхэ* с тем же значением". В словаре К.М. Черемисова [1973] обнаруживается ряд слов, в которых на месте звука *н* других бурятских говоров и монгольских языков появляется *й*. При этом все эти слова имеют помету *зап.*, что означает их западнобурятское происхождение. Примеры:

зап.-бур. *эбтэ* — лит.-бур. *нэбтэ* 'насквозь', ср. х.-монг. *нэвт*, калм. *непт*, стп.-м. *nebte* id.;

зап.-бур. *эбтээхэ* 'мочить, размачивать' — лит.-бур. *нэбтэрхэ* 'проходить насквозь, просачиваться, промокать насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрэх*, калм. *нептрх*, стп.-м. *nebtereki* id.;

зап.-бур. *эбтэрхэй* — лит.-бур. *нэбтэрхэй* 'сквозной; впитывающийся, просачивающийся, промокший насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрхий*, калм. *нептркэ*, стп.-м. *nebterkei* id.;

зап.-бур. *хуйгэн* — лит.-бур. *хунгэн* 'легкий', ср. х.-монг. *хөнгөн*, калм. *гуйгн*, *гөүгн*, стп.-м. *könggen* id.;

зап.-бур. *хуйгэрхэ* — лит.-бур. *хунгэрхэ* 'стать легким; подешеветь', ср. х.-монг. *хөнгрөх*, стп.-м. *könggerekü* 'стать легким'.

Подобный же переход *п в *й* фиксируется Б.Х. Годаевой [1960, с. 28] в хорчинском говоре восточного диалекта монгольского языка Внутрен-

ней Монголии: *ijэ* 'смеяться' в м. *инэ*, *хој* 'овца' в м. *хонь*, *јингэн* 'тонкий' в м. *нимгэн*.

Появление палатализованного *н'* перед историческим гласным **i* помимо бурятского языка отмечается в дагурском языке: *он'ч* 'нож' (стп.-м. *onib'ci*), *хон'* 'овца' (стп.-м. *qonin*) [см.: Тодаева 1960, с. 56].

Переход в процессе эволюции **п* в *ј* наблюдается и в некоторых калмыцких словах, при этом *ј* в процессе развития языка выпал [см.: Рорре 1955, р. 165], например:

калм. *хө(н)*, 'овца' < **höjin* < **qojin* < **qonin*;

калм. *сө(н)* 'ночь' < **šöji(n)* < **söni(n)*.

Переход смычного **п* в щелевой *ј*, как можно видеть из примеров, происходит там, где **п* произносится в виде смягченного *п'*, или в положении **п* перед **i*, где он палатализуется, превращаясь в *п'*, приближающийся к среднеязычному *л*, который в свою очередь легко может переходить в среднеязычный же *ј*. Фонетическое различие *л* и *ј* заключается лишь в том, что *л* смычный, а *ј* щелевой, *л* — носовой, а *ј* — ротовой звуки. Поэтому, при ослаблении смычки (под действием тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов) *л* закономерно дает носовой щелевой *ј*, который при утрате назализации превращается в обычный ротовой щелевой *ј*. Таковы на наш взгляд причины, обусловившие возможность перехода **п* в *ј*.

Кроме того, имеются, правда немногочисленные, случаи перехода **п* в *л*. Этот переход осуществлялся, видимо, еще в древнемонгольское время, так как чередование *п*/*л* наблюдается не только внутри бурятских говоров, но и среди монгольских языков, например:

зап.-бур. *мангаар* — МА *manaγār*, MNT *manaqar*, ЛР *manaγār*, *manqār*, калм. *мангдур* 'завтра', ср. лит.-бур. *маргааша*, х.-монг. *маргааш*, *маргаадар*, орд. *margātu*, стп.-м. *marγaši id.*;

зап.-бур. *минāа*, МА *minā*, MNT, *mina'a*, даг. П. *minā* — калм. *мала*, х.-монг. *малиа*, орд. *milā*, стп.-м. *milaya* 'бич, кнут';

бур. *мэлхэй*, х.-монг. *мэлхий*, калм. *меклэ* — МА *menekei*, SG *menegei*, стп.-м. *menekei*, *melekei* 'лягушка'.

**l*

В современном бурятском языке "фонема *л* употребляется в любой позиции слова" [Бураев 1959, с. 90].

В начале слова она встречается преимущественно в звукоподражательных и образных словах и в словах, являющихся заимствованными из других языков. Но есть и собственнобурятские слова, представляющие собой различные части речи. Примеры:

бур. *лаг*, *лай* — х.-монг. *лаг*, *лай*, калм. *ла*, стп.-м. *lai*, *lay* 'ил';

бур. *лама* — х.-монг. *лам*, калм. *лам*, стп.-м. *blam-a* 'буддийский монах' (< тиб. *blama*);

бур. *лугшэхэ* — х.-монг. *лугших*, калм. *лугших*, стп.-м. *luγši* 'биться (о сердце)';

бур. *лабхайха* 'иметь широкое основание' — калм. *лабдэх* 'быть широким', стп.-м. *labtai-i* 'раскидываться, развалиться; потягиваться';

бур. *ла*, *лэ* — х.-монг., калм. *л*, стп.-м. *le* частица утверждения, усиления

Гораздо чаще встречается *л* в середине и в конце бурятских слов. Вообщем, общемонгольская фонема **l* сохранилась в бурятском языке довольно хорошо во всех позициях. Примеры:

бур. *алха-* — х.-монг. *алха-*, калм. *алх-*, МА, стп.-м. *alqu-* 'шагать', орд. *alxum* 'шаг';

бур. *малта-* — х.-монг., калм. *малт-*, орд. *malta-*, даг. П *малтā*, MNT, стп.-м. *malta-* 'копать';

бур. *хүлхэн* — х.-монг. *хөлс(өн)*, калм. *көлсн*, орд. *kölösш*, МА, стп.-м. *kölesün*, *kölüsün* 'пот';

бур. *ала-* — х.-монг., калм. *ал-*, даг. П *ал-* ~ *алā*, монгол. *ала-*, орд., МА, стп.-м. *ala-* 'убивать';

бур. *гал* — х.-монг. *гал*, калм. *гал*, орд. *gal*, мог. *γöl*, монгол. *гал*, даг. П *гал'ї*, МА, стп.-м. *γal* 'огонь';

бур. *хул* — х.-монг. *хөл*, калм. *көл*, орд. *köl*, даг. П *күл* ~ *күл'ї*, монгол. *көл*, мог., МА, стп.-м. *köl* 'нога'.

По аналогии с разобранным выше **п* фонема **l* в бурятском языке под влиянием последующего гласного **i* получила палатализацию, в результате чего из одной фонемы **l* в бурятском языке развились две фонемы — *л* и *л'*, различающие слова, например:

алая (< *aliya*) 'шаловливый' — *алаа* (< *alaya*) 'убил'

болёо (< *boliya*) 'перестал' — *боллоо* (< *boluya*) 'сделался'

Фонема **l* получила в бурятском языке также палатализацию в позиции перед **g*, стоящим перед **i*, например:

лит.-бур. *залгиха* (*zal'd'ixλ*), зап.-бур. *зальйаха* (*zal'jλxλ*) — х.-монг. *залгих* (*džal'gix*), калм. *зальгх* (*zal'gχλ*), ср. стп.-м. *jalgiqu* 'глотать';

лит.-бур. *булгиха* (*bul'd'ixλ*), зап.-бур. *бульйаха* (*bul'jλxλ*) 'литься через край; сильно биться (о сердце)', калм. *бульгх* (*bul'gλx*) 'бить ключом (о воде); трепетать (о сердце)', стп.-м. *bulgiqu* 'брыкаться, лягаться; сбрасывать'.

Палатализуется в произношении в бурятском языке **l* также передшипящими *ш* и *ж* (развившимися из **š* и **ž*, которые исторически тоже были связаны соседством с гласным **i*). например:

бур. *булшан* (*bul'šλq*) — х.-монг. *булчин* (*bul'čiq*), калм. *бульчн* (*bul'čiq*), стп.-м. *bulčing* 'икра (ноги)';

бур. *булжамар* (*bul'žλmλr*) — х.-монг. *болжмор* (*bol'džmλr*), стп.-м. *boljimir* 'жаворонок'.

Как можно было видеть из приведенных выше двух групп примеров, палатализация согласных перед историческим **i* глубоко затронула и калмыцкий язык, что нашло отражение и в орфографии — постановка мягкого знака.

Палатализуется **l* в бурятском языке также и перед историческим сочетанием **ki*, например: *талгиха* (*tal'χixλ* ~ *tal't'ixλ*), ср. стп.-м. *talkiqu* 'мять кожу специальной кожейалкой'.

В ряде слов в процессе развития языка произошло отпадение сонанта **l*. О том, что он первоначально был представлен в этих словах, свидетельствуют сравнительные данные из других монгольских языков, например:

бур. *таби-*, х.-монг. *тавь-*, калм. *тэв-*, дунс. *тай-*, монгол. *тэ-*, орд. *tawi-* — стп.-м. МА, MNT, ЛР *talbi-*, даг. П *тал'ї* - (наряду с *таб'*, *таw'ї*), калм. *тавь-* (наряду с *тэв-*) 'класть, ставить';

бур. *нахоуһан* — х.-монг. *сахуус(ан)*, калм. *сәхүсн*, стп.-м. *sakıyusun* (наряду с *sakıyulan*) 'талисман, амулет, охранитель';

бур. *дэби-*, х.-монг. *дэвэ-*, калм. *дев-*, стп.-м. *debi-* 'опахивать, обмахивать' — МА *kei delbükü yama* 'веер', где *delbükü* имеет значение 'опахивать, обмахивать'; даг. П *дэлбүр* 'веер';

бур. *мойһон* (наряду с *мойл*) — х.-монг. *моил*, калм. *мвал*, стп.-м., MNT *moyilsun*, даг. П *мойл* 'черемуха';

бур.-зап. *айшан* — лит.-бур. *айлшан*, х.-монг. *айлч*, калм. *ээлчн*, стп.-м. *ayılçin* 'гость' (< обшемонг. *ауи* 'дом, двор, семья').

Кроме того, в бурятском языке наблюдается в ряде случаев сохранение этого *l, выпавшего в других современных монгольских языках, например:

бур. *мульһэн* — х.-монг. *мөс(өн)*, калм. *мөсн*, орд. *mösh*, даг. П *меис* 'лед' (ср. МА, ЛР, SG *mölsün*, MNT *molsun*, стп.-м. *mösun*//*mölsün*, монгол. *молсе*, *мордэе*, дунс. *мэнсун* id.);

бур. *хульһэн* — х.-монг. *сөс(өн)*, *цөс(өн)*, калм. *цөсн* 'желчь' (ср. МА, SG *sölsün*, стп.-м. *čösün*, *sölsün* id.);

бур. *саарһан* — х.-монг. *цаас(ан)*, калм. *цаасн*, даг. П *цәс*, орд. *tšäsu* 'бумага' (ср. монгол. *чәлдэе*; МА *čälsun*, MNT, SG *ča'alsun*, стп.-м. *čaγasun*//*čaγalsun*//*čaγarsun*; Владимирцов [с. 364] указывает на разговорную халхаскую форму *цәрс* 'бумага').

Учитывая закономерность выпадения *l перед согласными, можно предположить, например, что бур. *усэгэлдэр* и калм. *өцклдр*, *өцклдур* 'вчера' восходят к некоей форме с *l — **öčügeldür*. В то же время в современных и средневековых монгольских языках для этого слова не отмечено форм с *l, ср. например, х.-монг. *өчигдөр*, *өчөгдөр*, монгол. *чигдур*, МА *öčüge ödür*, ИМ *ečügen*, ЛР *hečegen* 'вчера', хотя в письменном монгольском языке представлены обе формы: *öčigen*, *öčügedür*, *ečügedür*, *öčügeldür*, *öčügeldür* id.

Отмеченная в баоанском языке словоформа *джилгасоң* ~ *джиласон* 'рыба' [см.: Тодаева 1964, с. 139] также позволяет предположить, что и в этом слове, известном во всех остальных монгольских языках без *l (ср. х.-монг. *загас*, калм. *зәһсн*, орд. *džagus*, даг. П *цәгүс*, дунс. *джагасун*, монгол. *джагасе*, стп.-м., МА *jīyasun*, ЛР *jīqasun* id.), этот *l, возможно, и был когда-то представлен. Таким образом, праформа для этого слова может быть восстановлена в виде **jīyasun* (корень **jī-* + аффиксы *-ya* + *-sun*). При сопоставлении данной праформы с материалом из тюркских языков найдем тюркскую параллель в лице общетюркского глагола *jil-//jul-* 'ползти, извиваясь (подобно змею)'. От этого глагола в тюркских языках образованы слова *jilan*//*julan* (ср. тат. *слан*, башк. *йылан*, тур. *ulan*, тоф. *чулан*, кирг. *жылан*) 'змея' и *julyun* (ср. узб. *илгун*, кирг. *жылгун*) 'тамариск, вьющееся растение'. Это позволяет предполагать очень древний характер данной тюрко-монгольской параллели, подвергнувшейся в монгольских языках весьма давней деформации.

Необходимо отметить также переход звука *l в н в словообразовательном деноминативном глагольном аффиксе *-la-* в позиции после носовых согласных. Так, например, *samlä-* 'причесывается' (< *sam* 'гребенка' + *-la-*) дало в бурятском языке *һамна-* id.; *emle-* 'лечить' (< *em* 'лекарство'

-le-) дало *эмнэ-* id.; *aŋla-* 'охотиться' (< *aŋ* 'дичь' + *-la-*) — *агна-* id. (< **ангна-* < **англа-* < *aŋla-*).

Кроме того, в западных бурятских говорах, например баргузинском [см.: Раднаев 1965, с. 85], эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 6], качугском [см.: Митрошкина 1968, с. 53], в суффиксе *-γul* происходит замена плавного *l на дрожащий г, например: барг., эхир.-булаг. *бар'уур* 'ручка, прихватка' — лит.-бур., вост.-бур. *барюул* (стп.-м. *bariγul*) id.; барг., эхир.-булаг. *аршуур* 'тряпка' — лит.-бур., вост.-бур. *аршуул* id. (стп.-м. *arč'iγul* < *arč'i-* 'чистить'); барг., эхир.-булаг. *хэруур* 'ссора' — лит.-бур., вост.-бур. *хэруул* id. (стп.-м. *kegegül*); качуг. *уруур* 'мочалка' — лит.-убр. *уруул* id.; качуг. *урээр* 'благопожелание' — лит.-бур., вост.-бур. *юрвал* id. (стп.-м. *iγügel*); качуг. *харуур* 'зеркало; рубанок' — лит.-бур., вост.-бур. *харуул* 'рубанок' (стп.-м. *qaraγul*).

Вызывает интерес чередование *l, получившего перед *i* палатализацию, со среднеязычным *j* в словах *һандай* 'скамья, лавка'//*һандали* 'сиденье, скамейка'. Оба восходят к прототипу *sandali* с тем же значением, ср. х.-монг. *сандал*, калм. *сандл* 'стул, скамья, сиденье', ИМ, SG *sandali* 'стул'. Употребление *j* вместо палатализованного *l* отмечается как характерная черта в речи хошуттов ойратского диалекта в КНР, у которых вместо *mal'ä* 'плеть' говорят *majä*, вм. *дол'* — *дој* 'сменяй', вм. *дол'ган* — *дојган* 'волна', вм. *тол'* — *тој* 'зеркало', вм. *үл'* — *үј* 'плакать' и т.п. [см.: Тодаева 1960, с. 28]. Аналогичное явление наблюдалось нами в речи сарт-калмыков с. Бюрю-Баш возле г. Пржевальска Киргизской ССР, которые произносили *təj* 'зеркало; окно' вместо *təl'*; *majä* 'плеть' вместо *mal'ä*; *üj* 'плачь' вместо *ül'*.

Переход палатализованного (среднеязычного?) *l* в *j* произошел и в венгерском языке в котором буквосочетание *ly* (исторически *l' ~ l*) читается сейчас как *j* (йот) [см.: Деак, с. 46].

Таким образом, переход *l* в *j* можно объяснить собственнофонетическими причинами. Палатализованный *l*, особенно в положении перед *i*, очень близок к среднеязычному *l* по своей артикуляции. Йот (*j*), как и *l*, является шелевым среднеязычным звуком, только *l* в отличие от *j* — боковой шелевой звук. При изменении места щели из среднеязычного бокового *l* получается среднеязычный же срединный *j*.

*г

По данным И.Д. Бураева [1959, с. 92], "фонема *p* в бурятском языке употребляется в начале непервого слога или в конце слога внутри слова перед звонкими согласными в сонантных (звонких) оттенках, в исходе слога внутри слова, перед глухими согласными — в глухом оттенке, а в исходе слова — факультативно в полувзвонком оттенке. В собственно бурятских словах *p* в начале слова не встречается". Не был известен *г ванлаутной позиции и в монгольском праязыке [см.: Рорре 1955, с. 160]. В тюркском праязыке звук *g* в начале слова тоже не встречался [см.: Рясаян, с. 183]. В этих языках начальный *g* при заимствовании иноязычных слов получал как правило протетический гласный, например: бур. *аршаан* — х.-монг. *аршаан*, калм. *аршан*, даг. П *аршәң*, орд. *araşān*, стп.-м. *raşıyan* 'источник с минеральной водой' (< санскр. *rasāyana* 'нектар').

Об этом же говорит и Б.Я. Владимирцов [с. 366]: "В монг.-письм. и в халхаском г ~ р никогда не бывает в начале слова; в монгольской письменности встречаются слова, начинающиеся с г, но слова эти являются лишь транскрипцией форм иноязычных напр. rilbu < тиб. . . . ril-bu 'пилюля' [халх. *урь*] id. Как в монг.-письм., так и в халхаском, а также и в других монгольских наречиях в заимствованных словах, начинающихся с г ~ р, в начале появляется гласный, одинаковый с гласным, следующим за г ~ р; если за начальным г ~ р следуют узкие гласные, i ~ i, u ~ y, то в качестве эпентезического гласного является гласный средний, e ~ e или o ~ o; в монг.-письм., впрочем, можно встретить и другие эпентезические начальные гласные под влиянием иноязычной среды, из которой произошло заимствование. Примеры:

Стар. монг.-письм. irad-barans ~ iriduvarans < француз. roi de France; стар. монг.-письм. irinçen < тиб. . . . rin-chen 'драгоценность, Ринчен — собств. имя'; монг.-письм. erengge ~ rengge < тиб. *грең-ңа* < тиб. . . . hphren-ba 'четки'; монг.-письм. orus. Халх. *ордс* «Русь, русский»; Халх.-Зап. *ард-йр* 'обоюдоострый нож, род кинжала' < тиб. . . . gal-gri 'меч, сабля, кинжал'; монг.-письм. ürüs sara 'весенний месяц, месяц обновления природы' < перс. *гүз* 'день', ср. перс. *паугүз* 'новый год, совпадающий с весенним равноденствием'".

В середине и в конце слова согласный *г, как и в остальных монгольских языках, хорошо сохраняется во всех бурятских говорах, например:

бур. *наран* — х.-монг. *нар(ан)*, калм. *нарн*, даг. П *нар*, орд. *пага*, монгол. *нара*, мог., МА, MNT, стп.-м. *паган* 'солнце';

бур. *намар* — х.-монг. *намар*, калм. *намр*, даг. П *намър*, орд., МА, MNT, стп.-м. *памур* 'осень';

бур. *арбай* — х.-монг. *арвай*, калм. *арвэ*, орд. *arwā*, МА, стп.-м. *арбай* 'ячмень';

бур. *эртэ* — х.-монг. *эрт*, калм. *эрт*, орд. *erte*, даг. П *эртэ*, МА, MNT, стп.-м. *erte* 'рано; ранний';

бур. *гар* — х.-монг. *гар*, калм. *нар*, даг. П *гар*, монгол. *гар*, орд. *гар*, МА, MNT, стп.-м. *гар* 'рука'.

Под влиянием *i консонант *г получил в бурятском языке палатализацию. Некоторые слова стали различаться только палатализацией г, например: *бараа* (bara:) 'товар, имущество' (стп.-м. *багага* < *бага*-), а также *бараа* 'исчерпал' (< *бара*- 'исчерпать', ср. стп.-м. *багага* < *бага*-) и *барья* (bar'a:) 'схватил' (< *бари*- 'схватить', ср. стп.-м. *барига* < *бари*-); арбан (arbaŋ) 'десять' (стп.-м. *arban*) и *арьбан* (ar'bāŋ) 'жировой слой на животе лошади' (стп.-м. *arbin*).

Палатализованный р' (r') встречается в начале непервых слогов или в исходе слога внутри слова перед звонким согласным, в отличие от твердой пары — только в звонких оттенках" [Бураев 1959, с. 93]. Под влиянием *i палатализованный р как фонема появился и в других современных монгольских языках, например в халха-монгольском: *хар* 'черный' (хар) (стп.-м. *qara*) и *харь* (xār) 'вернись' (стп.-м. *qari*); *бар* 'тигр', *бар* (bar) 'исчерпайся' (стп.-м. *bar*) и *барь* (bar') 'держи' (стп.-м. *bari*) и т.п.

Появление в единичных случаях согласного г в анлауте в бурятском, халха-монгольском, ордосском языках можно объяснить редукцией начального гласного, за которым следовал этот г. Тем более, что этот г появ-

явился в начале послелога (служебного слова): бур. *руу*, х.-монг. *руу*, *луу* (после основ с ауслатным р), орд. *rū* ~ *lū* 'вниз, по, к', который, по всей видимости, произошел от наречия, ср. бур. *уруу*, х.-монг. *уруу*, калм. *уру*, *уру*, монгол. *фуру*, МА *hurū*, MNT *hurū*, стп.-м. *uruu* 'вниз, книзу'. В некоторых словах в бурятском языке можно заметить выпадение исконного *г, особенно в положении перед согласными с, т, например: бур. *ута*, калм. *ут* — х.-монг. *урт*, орд. *urtu*, мог. *urtu*, даг. П *орт* ~ *ортó*, МА, MNT, стп.-м. *urtu* 'длинный'; бур. *өөхэд*, MNT *o'esut* — х.-монг. *өөрсэд*, стп.-м. *öbersed*, *öbersud* 'сами', но в то же время бур. *өөрөө* 'сам', *өөр* 'себя', стп.-м. *öber*, MNT *o'er* 'сам'; зап.-бур. *өөхэн* 'сам' — стп.-м. *öbersun*, *öbesün*, MNT *o'er*, *o'esun* id.

СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*j

Древний общемонгольский консонант *j в бурятском языке в основном хорошо сохраняется в начале слова и между гласными, например:

бур. *яһан* (jaŋŋ) — х.-монг. *яс(ан)*, калм. *ясн*, орд. *jasu*, даг. П *јас* монгол. *јасе*, мог. *jōsun*, дунс. *јасуу*, боан. *јасоң*, МА, MNT, стп.-м. *yasun* 'кость';

бур. *яба* (jabʌ) — х.-монг. *яв*, калм. *йов*, орд. *jawu*, даг. П *јау*, монгол. *ју*, дунс. *јаву*, боан. *ју*, мог. *jobu*, МА, MNT, стп.-м. *yabu* 'идти';

бур. *аяга* (ajʌqʌ) — х.-монг. *аяга*, калм. *ааһ*, орд. *ajaga*, монгол. *јага*, дунс., боан. *јага*, даг. П *ajǰǰǰ*, MNT *ayaǰa*, МА, стп.-м. *ayaǰa* 'чашка';

бур. *наян* (najʌŋ) — х.-монг. *ная*, калм. *найн*, орд. *naja*, даг. П *нај(ү)*, монгол. *најан*, МА, MNT, стп.-м. *naуан* 'восемьдесят';

бур. *уя* (ujʌ) — х.-монг. *уя*, калм. *уй*, орд. *uja*, монгол. *фујā*, МА, MNT *huуа*, стп.-м. *ууа* 'привязывать'.

В конце слога в положении перед согласным в середине слова или в абсолютном конце слова *j в бурятском языке ослабился, образовав с предыдущим гласным дифтонг, который в западных бурятских говорах, как и в калмыцком языке, имеет тенденцию переходить в долгий монофтонг, о чем выше уже подробно говорилось. Пример: бур. *ой* (вост.-бур. *эе* ~ зап.-бур. *æ:*) — х.-монг. *ой*, калм. *өө*, орд. *öǰ*, монгол. *фө*, MNT *hoi*, стп.-м. *oi* 'лес'.

Кроме того, сочетание *Vji тоже дает дифтонг, превращающийся в западных бурятских говорах в долгий монофтонг, как и в калмыцком языке, о чем выше тоже подробно было сказано. Примеры: зап.-бур. *хөөно* (xœ:nə), калм. *хөөн* — лит.-бур., вост.-бур., х.-монг. *хойно*, стп.-м. *qoyina* 'позади';

зап.-бур. *аэха* (æ:χʌ), калм. *ээх* — лит.-бур., вост.-бур., *айха*, х.-монг. *айх*, стп.-м. *ayiqu* 'бояться';

зап.-бур. *баэха* (bʌ:χʌ), калм. *бөөх* — лит.-бур., вост.-бур. *байха*, х.-монг. *байх*, стп.-м. *bayiqu* 'быть, находиться'; бур. *тшэмэ* (t'i:mʌ), калм. *тшэм* — х.-монг. *тшйм*, стп.-м. *teyimü* 'такой'.

Спецификой нижеудинского говора бурятского языка является отражение анлаутного *j в виде палатализованного d' (варьирующего по нашим наблюдениям в произношении нижеудинских бурят со среднеязычными

смычным *h*), на что впервые обратил внимание Г.Д. Санжеев [1930, с. 3]: "В некоторых случаях *o'* в этом (нижнеудинском. — В.Р.) говоре является заместителем палатально-альвеолярного *ж* и слабого спиранта *j*, чего не наблюдалось ни в одном из монгольских говоров". На эту же особенность нижеудинского говора указывает и А.А. Дарбеева [1978, с. 63]: "Не менее характерным для НУД (нижнеудинского диалекта. — В.Р.) является уподобление *o'* в анлауте тех слов, которые в старописьменном монгольском языке писались с *yod*, например:

Ст.-письм. монг.	НУД	ЛБ, ВБ, ЗБ	
yeke	д'икэ	ехэ	'большой'
yambar	д'амар	ямар	'какой'
yaγuma	д'юма	юма	'вещь'
yisün	д'иһең	юһэн	'девять'

При этом Дарбеева [1978, с. 63] предполагает, что слова нижеудинского говора с *o'* сохранили более древнюю форму звучания общемонгольских слов, поскольку, как отмечал Б.Я. Владимирцов [с. 397], древние **y* и **u* были очень близкими друг другу, а **y* развился из **d* и иногда даже с ним чередуется (**y* ~ **d*).

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

**k*

Древний общемонгольский **k* почти во всех случаях в бурятских говорах под влиянием тенденции ослабления смычки перешел в проточный заднеязычный *x*, например: *хэрэг* < *kereg* 'дело', *хээр* < *keger* 'степь', *архи* < *araki* 'водка', *ехэ* < *yeke* 'большой'.

Сохранение смычного характера **k* наблюдается в языке олонских хамниган и в нижеудинском говоре, в которых *k* имеет статус фонемы. Так, исследователь языка олонских хамниган Д.Г. Дамдинов [см.: 1968, с. 81] отмечает наличие в этом говоре смычного заднеязычного *k*, который употребляется лишь в мягкорядных словах. В твердорядных словах *k* встречается только перед гласным *и*. Он утверждает также [с. 83], что "употребление звука *k* в языке письменных памятников XIII—XIV вв., в частности в "Сокровенном сказании", совпадает с нынешним употреблением его в языке олонских хамниган. Сравним:

"Сокр. сказ."	Олон. хам.	Бур.	Монг.	Значение
idekü	идэку	эдихэ	идэх	кушать
bükü	буку//букэ	бухэ	бат бөх	крепкий
ködölji	//бөкө			
köbügen	көдалжди	хүдэлжэ	хөдлөж	двинувшись
	кубуун	хубуун	хуу	сын
ičikü	ичику	эшэхэ	ичих	стыдиться
	//ичикэ			
čikin	чики//чикэ	шэхэн	чих	слух, ухо"

Относительно нижеудинского говора проф. Г.Д. Санжеев [1930, с. 2] пишет: "Исторический **k* в бурНУ отражается так же, как и в ойратских диалектах: *кензё* — зелень *көвүүн* — дитя, *ескё* — уставать, ... *кёрё* — поле, *көддө* — степь, *көкө* — дитя".

А.А. Дарбеева [1978, с. 48] тоже свидетельствует, что фонема *k* в нижеудинском говоре восходит к историческому **k* и "встречается в любой позиции мягкорядного слова, например: *күеке* 'шуметь', *күндил* 'одеяло', *күндиргене* 'черная смородина'".

Наши полевые записи нижеудинского говора тоже регулярно дают заднеязычный смычный *k* на месте проточного *x* других говоров и литературного языка, например:

Бур. Ну	Лит.-бур.	Значение
юш кэнзубоб	юшьё хэнзэуйб	ничего не делаю
мэкэлкэ	мэхэлхэ	обманывать
күндэ	хүндэ	тяжелый
күрээ	хүрээ (зап.)	изгородь
кэбтэнэ	хэбтэнэ	лежит
күдмэри	хүдэлмэри	работа, труд
куургэ	хуургэ	мост

Однако утверждение, что *k* имеется только в указанных говорах, было бы не вполне точным, т.к. исследователи других бурятских говоров тоже отмечают в некоторых из них звук *k* на месте *x*. Так, Д.А. Абашиев [с. 9], изучавший тункинский говор, пишет: "Звук *k* — заднеязычный сильный смычный. Встречается только в середине слова перед согласными и в конце слова как глухой вариант фонемы *g*. В сочетании с гласными твердого ряда звучит как глубоко заднеязычный, например: *гаракка*, лит. *гаргаха* (заставить выходить); *торокко*, лит. *торгохо* (добыть зверя). В сочетании с гласными мягкого ряда *k* продвинуто вперед. Например: *дуурэkkэ*, лит. *дуургэхэ* (выполнить, наполнить); *мэдэkkэ*, лит. *мэдэхэй* (не знает)". Как можно видеть из приведенных в этой цитате примеров, произнесение *k* вместо *x* в тункинском говоре обусловлено комбинаторной позицией: в результате сильной редукции либо метатезы согласный *x* оказывается в непосредственном соседстве и контакте с согласным *g*, произносимом в этих условиях глухо. В результате ассимиляции *x* тоже превращается в смычный глухой звук, т.е. в *k*. Можно предположить, что развитие *x* в *k* при этих условиях проходило, так: *мэдэхэй* → *мэдэхкэй* → *мэдэхкуэ* → *мэдэkkэ* 'не знает'; *дуургэхэ* → *дуургэхкэ* → *дуурэkkэ* 'выполнить, наполнить'.

По данным Н.Н. Поппе [1930а, с. 9], в аларском говоре тоже представлен звук *k*, но только не как самостоятельная фонема, а как позиционный производительный вариант фонем *g* или *x*, например: *ук'к'ё* ~ *үх'х'ё* 'умирать', *мөр'к'ё* ~ *мөрг'х'ё* 'кланяться', *н'өм'к'ёң* ~ *н'өм'г'х'ёң* 'тоненький'. Как видно, условия появления здесь *k* на месте *x* те же, что и в тункинском говоре.

Также обусловлено позицией, на наш взгляд, появление в некоторых случаях *k* на месте *x* и в цонгольском говоре [см.: Будаев 1965, с. 157], например, цонг. *тэбкэр* — лит.-бур. *тэбхэр*, х.-монг. *тэвхэр* стп.-м. *tebker*

'квадратный'; цонг. *мушкэхэ* — лит.-бур. *мушхэхэ*, х.-монг. *мөшгэх* 'обшивая оторочкой', цонг. *мушкеер* — лит.-бур. *мушхөөхэн*, х.-монг. *мөшгөөр* 'оторочка'. Как предполагает С.Б. Будаев [1965, с. 157], это *к* в цонгольском говоре является отголоском раннего общемонгольского *к*.

Относительно звука *к* в сартульском говоре И.Д. Бураев [1965, с. 116] пишет следующее: "Описывая звуки сартульского говора, следует **особо остановиться** на звуке *к*, потому что он может стать самостоятельной фонемой скорее всего в данном говоре. Встречается ряд слов, где *х* и *г*, встречающиеся в начале слога в середине слова, произносятся сильно, как звук *к*, например, *дэбэскэр//дэбэхэр* (матрац, подстилка), *зшкы//зшгы* (войлок) и др. И это, в свою очередь, обуславливает более частое, чем в литературном бурятском языке, произношение *к* в заимствованных из русского языка словах". Однако, весь приведенный им в этой статье материал по сартульскому говору показывает, что *к* на месте *х* или *г* встречается довольно редко, да и то как их произносительные варианты, обусловленные позицией. В основном же в сартульском говоре, как и в литературном языке и восточных говорах хоринского типа, везде употребляется проточный *х*: *хүдзуу* 'шея', *хүршэ* 'сосед', *хүчэ* 'сила', *хишэ* 'делать', *хүүхэн* 'девочка', *хүмэдхэ* 'брови' и т.п. Таким образом, не вполне правомерно утверждение, что *к* стремится в сартульском говоре стать фонемой, так как это всего лишь спорадически встречающийся комбинаторно позиционный вариант фонемы *х*.

С полным правом утверждать, что *к* является фонемой, сохранившейся от древнего состояния монгольских языков, можно лишь для нижнеудинского и ононско-хамниганского говоров. Для наглядности сравним ряд слов из этих говоров с литературным бурятским языком и некоторыми другими монгольскими языками, в том числе со старописьменным монгольским и языком словаря "Мукаддимат ал-Адаб" [см.: Поппе 1938], являющимся типичным образцом монгольской речи XIV в., например:

Бур.	Хам- ниг.	Лит.- бур.	Х.- монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>к᠔к᠔</i>	<i>к᠔ку// кукэ</i>	<i>хүхэ</i>	<i>хах</i>	<i>к᠔к</i>	<i>к᠔ке</i>	<i>к᠔ке</i>	синий,
<i>к᠔үң</i>	<i>кун</i>	<i>хун</i>	<i>хун</i>	<i>кун// кумн</i>	<i>к᠔мүн</i>	<i>к᠔мүн, к᠔үң</i>	человек
<i>к᠔в᠔үң</i>	<i>кубуун</i>	<i>хубуун</i>	<i>хуу</i>	<i>к᠔вун</i>	<i>к᠔бе- гүн</i>	<i>к᠔үң</i>	сын
<i>д᠔к᠔</i>	<i>икэ</i>	<i>ехэ</i>	<i>их</i>	<i>ик</i>	<i>еке</i>	<i>еке</i>	большой
<i>к᠔үзүң</i>		<i>хузуун</i>	<i>хузуун</i>	<i>кузун</i>	<i>к᠔ү- гүн</i>	<i>к᠔үң</i>	шея
<i>үк᠔р</i>		<i>ухэр</i>	<i>ухэр</i>	<i>укр</i>	<i>үкер</i>	<i>үкер</i>	корова
<i>εк᠔</i>	<i>экэ</i>	<i>эхэ</i>	<i>эх</i>	<i>эк</i>	<i>еке</i>	<i>еке</i>	мать

Как видно из примеров, нижнеудинский и хамниганский говоры в отношении сохранения древнего **к* полностью совпадают с калмыцким языком, тоже удержавшим заднеязычный *к* во всех позициях в словах мягкого ряда. Из других современных монгольских языков *к* сохраняется как самостоятельная фонема также в дагурском, могольском, монгоре-

ком, ордосском [см.: Поппе 1955, с. 139], в языке желтых уйгуров [см.: Тенишев—Тодаева, с. 49], баоанском [см.: Тодаева 1964, с. 9], дунсянском [см.: Тодаева 1961, с. 10] языках, например:

стп.-м. *kūmün*, MNT *güün*, МА *kütün*, *kün*, *küün*, даг. П *к᠔*, монгор. *кун*, орд. *кшп*, калм. *кун*, *кумн*, ш.-юг. *кун*, баоан. *куу*, дунсян. *кун* 'человек'; стп.-м., МА *kelen*, даг. П *к᠔л'т*, монгор. *к᠔lie*, орд. *kele*, калм. *келн*, дунс. *к᠔lieн* 'язык'; стп.-м., МА *ken*, даг. П *к᠔ң*, монгор. *кен*, орд. *ken*, калм. *кең*, баоан. *каң*, дунсян. *к᠔н*, ш.-юг. *кен* 'кто'.

Совершенно иначе ведет себя в бурятских говорах исторический **к*, стоявший перед **i*. Как известно, гласный **i* в процессе исторического развития всех монгольских языков оказал довольно заметное влияние на становление современных систем их консонантизма и вокализма, о чем будет сказано подробнее ниже. Здесь же хотелось показать лишь в общих чертах развитие исторического комплекса **ki*, о котором совершенно верно пишет Л.Д. Шагдаров [1969, с. 23]: "Исторический **к* в положении перед гласным **i* отражается в восточных и южных говорах в виде *х'*, в хамниганском — *к'*, *х'*, в западных — *с'*, *т'*, *х'*, *ш'*: вост. *тамх'ай*, южн. *тамх'й*, хамн. *тамйки* ~ *тамйх'й*, зап. *тамс'ай* ~ *тамиш'ай* ~ *тамт'ай* (табак). В восточных и южных говорах в непервых слогах *х'* имеет тенденцию перехода в *т'*: лит. *түл'х'эхэ* — вост. *түл'т'эхэ* (толкать), лит. *һал'х'ай* — вост. *һал'т'ай* (ветер)".

Таким образом, модификация **к* под палатализирующим влиянием **i* тоже имеет, как и само развитие **к* либо в щелевой *х*, либо в смычный *к*, двоякий характер, а именно: в одних говорах *к* в этой позиции перешел в смычный палатализованный *т'*, в других — в щелевые палатализованные *с'*, *х'*, *ш'*. При конкретизации этих говоров выясняется, что палатализованный смычный *т'* закономерно появляется там, где сохраняется смычный характер исконного **к*, т.е. в нижнеудинском и хамниганском говорах, хотя хамниганский говор подчас и сохраняет комплекс **ki* без изменений, переводя его иногда под влиянием бурятского языка в *хи*. Например, по нашим нижнеудинским материалам: бур. НУ *t'ire*: 'пила' (< **kire*: < *kirüge*); *t'uru*: 'иней' (< **kiru*: < *kirayu*); *bart'irna* 'кричит' (< **barkirna*); *t'il'ol'ol* 'ость; трава волосец' (< **kilayana*); *t'ol'ol* 'нож' (метатеза от **kitoya*). В языке ононских хамниган: *кивэс* 'ковер' (стп.-м. *kibes*), *кий* 'сухой навоз для подстилки', *кируу* 'иней', *киргаха* 'стричь' (стп.-м. *kirγayu*), *кисуур* 'скобель' (стп.-м. *kisayut*); иногда **ki* дает *t'i*: *салки//салти* 'ветер' (стп.-м. *salkin*), *талки//талти* 'кожемялка' (стп.-м. *talki*).

Смычный палатализованный *т'* (< **ki*) на месте литературного *х'и* нам приходилось слышать и у некоторых групп булагатов Иркутской области например: *сот'и* 'бей' вм. *сох'и*, *бартирна* 'кричит' вм. *бархирна*, *манзйт'и* 'наш' вм. *манайхи*.

В тех же говорах, в которых исконный **к* перешел в щелевой *х*, сочетание **ki* тоже дало щелевой палатализованный согласный, качество зависит от степени шумности. Так, в хоринском говоре, как и в литературном языке, мы имеем *х'и*, то же отмечается и для сартульского [см.: Бураев 1965, с. 116] и цонгольского [см.: Будаев 1965, с. 159] говоров, например: сарт. *х'ишэ* 'делать', *цах'юур* 'кремень', цонг. *эм'и* 'порядок'.

cong. *x'шисхэ* 'несть по ветру'. В тункинском говоре [см.: Абашеев, с. 11] наряду с *x'и* встречается параллельный вариант *с'и*: *һалсин* (лит. *һалхин*) 'ветер', *сиу/хиу* 'сухой навоз', *тахья* 'курица', *соруу* (лит. *хоруу*) 'иной'. Переход *хи* в *си* отмечается также в боханском говоре, в котором есть даже варианты *иуи* и *ти*, что зависит от родовых групп говорящих на этом говоре. В Бохане, например, скажут вместо *тамси* 'табак' *тамси*, *тамуи* либо *тамути* [см.: Хомонов 1965, с. 46–47]. Переход *х'* в *ш* имеется и в эхирит-булагатском говоре, например: *тамуиан* 'табак' вм. *тамхи*, *ишлар* 'косоглазый' вм. *хялар*, *таишаа* вм. *тахья* 'курица', *тархи* вм. *тархи* 'голова', *һальиан* вм. *һалхин* 'ветер' [см.: Матхеев 1968, с. 6].

В аларском говоре тоже из *х* перед *ī* и гласным, восходящим к **i*, развился палатализованный *х'*, который чередуется с палатализованным *с* например: *дах'ин* ~ *дас'ин* 'онять', *х'алдр* ~ *с'алдр* 'косоглазый', *х'т* ~ *с'т* 'сухой навоз', *с'илгәһһү* 'обрезки конского хвоста или гривы' (лит. *хилгааһһан* 'конский волос'), при этом *с'* наблюдается больше в речи молодежи [см. Поппе 1930а, с. 8].

Относительно развития исторического комплекса **ki* в языке хоринских бурят Г.Д. Санжеев писал: "Под влиянием исторического *и* на месте *х* в хоринском говоре имеется палатализованный согласный, который акустически производит впечатление среднее между палатализованным *ш* и *с*, нечто близкое к немецкому *ich-Laut*'у... Этот согласный встречается в словах типа *тамхи* – табак, *тархи* – мозг, *архи* – вино и т.п. ... Таким образом, во всех бурят-монгольских говорах в положении перед гласным *и* согласный *х* оказывается неустойчивым в своем качестве, ибо, как известно, и в западных говорах мы имеем то же самое явление" [Санжеев 1939, с. 12–13].

Наблюдается закономерность: в тех бурятских говорах, где до сих пор сохраняется смычный *к*, либо он существовал еще до недавнего времени в определенных позициях (например, после сонорных типа *һалкин* 'ветер', *tülki* 'толкать'), этот *к* в положении перед *и* дал палатализованный смычный *т'* (*t'*); а в тех же говорах, в которых палатализация развилась уже при щелевом характере согласного *х* (< **k*), там перед *и* возникли щелевые палатализованные *х'*, *с'*, *ш'*.

Из других монгольских языков типологически сходное явление зафиксировано только в монгорском языке [см.: Тодаева 1973, с. 31], в котором комплекс **ki* в ряде случаев перешел в *чи* (при этом переходной ступенью от смычного *к* к шипящей аффрикате *ч* мог быть только среднеязычный смычный *ћ*, который развился в палатализованный переднеязычный *t'*, а от него в *ч*), например: монгор. *чидого* 'нож' (стп.-м. *kituγa*), ср. бур. НУ *tɔt'iqʰ* id. (метатеза от **t'itɔqʰ* < **kituγa*); монгор. *чирү* 'пила' (стп.-м. *kirüge*), ср. бур. НУ *t'ire*: id.; монгор. *чирга* 'стричь' (стп.-м. *kirγa*); монгор. *чимудзе* 'ноготь' (стп.-м. *kimusun*), ср. бур. НУ *t'imbu* (< **t'imuhɔ* < *kimusun*). Изредка такое же явление встречается и в тункинском языке, например: *очин* 'девушка' (стп.-м. *okin*), *чирү* 'пила' (стп.-м. *kirüge*) [см.: Тодаева 1961, с. 17].

Этот общемонгольский консонант сохранился во всех бурятских говорах в мягкорядных словах. В сочетании с любым мягкорядным гласным, кроме **i*, он передается согласным *г*, например:

бур. *гэр* 'дом, жилое помещение' – х.-монг. *гэр*, калм. *гер*, даг.П *гёр* ~ *гёр'и*, монгор. *гер*, орд., мог., МА, MNT, стп.-м. *ger* 'дом, юрта';

бур. *үгэ* – х.-монг., калм. *үг*, монгор. *уге*, орд. *шге*, МА, MNT, стп.-м. *uge* 'слово; речь';

бур. *эмэгэн* – х.-монг. *эмэн*, калм. *эмэн*, монгор. *муген*, орд., ИМ, стп.-м. *emege* 'старуха', даг.П *эмэг* 'женщина';

бур. *зүг* – х.-монг., калм. *зүг*, орд. *džug*, MNT *jug*, стп.-м. *jug* 'сторона; направление';

бур. *дэгдэ* – х.-монг. *дэгд*, калм. *дегд*, орд., стп.-м., MNT *degde* 'взлетать вверх'.

Как и в случае с согласным **k*, здесь тоже следует отдельно рассматривать модификацию сочетания **gi* по разным бурятским говорам.

В говорах хоринского типа согласный **g* перед **i* дает очень палатализованный *д'* [см.: Бураев 1959, с. 80, 101], который, по нашим наблюдениям, весьма близок к смычному среднеязычному *ћ*. Так, например, слова типа *ангир* 'турпан', *мангир* 'дикий чеснок', *гангинаха* 'визжать' произносятся хоринцами как *анћиг*, *манћиг*, *ганћинах* (ср. стп.-м. *anggir*, *manggir*, *γanγγinaqu*).

Произнесение **g* в позиции перед **i* в виде палатализованного *д'* отмечается также в тункинском говоре. Так, Д.А. Абашеев [с. 12] приводит в качестве примера слова *данд'ина* 'небесная красавица, фея' (ср. лит.-бур. *дангинаа*), *долд'оон* 'волны' (ср. лит.-бур. *долгёон*), *галд'иха* 'идти медленным шагом' (ср. лит.-бур. *галгиха*).

Переход **g* перед **i* в смычный палатализованный *д'* характерен по нашим наблюдениям и в окинском говоре, от носителей которого пришлось слышать формы типа *ган'динаха* 'визжать' (лит.-бур. *гангинаха*, стп.-м. *γanγγinaqu*), *хон'динуур* 'ботало' (лит.-бур. *хон* звукоподражание звону колокольчика, *хонгирхо* 'звенеть', х.-м. *хонгинох* 'звенеть', *хонгинуур* 'колокольчик', стп.-м. *qonγγinaγur*), *шан'динур* 'колокольчик' (ср. зап.-бур. *шангинуур* 'колокольчик'), *тээн'ди* 'опорный столб в юрте' (ср. лит.-бур. *тээнги* id.), *ман'диһан* 'дикий чеснок' (ср. лит.-бур. *мангир*, х.-монг. *мангир*, *мангис*, калм. *мәүгерсү*, стп.-м. *manggir*, *manggisun* id.), *һон'дино* 'дикий лук' (ср. лит.-бур. *һонгино*, стп.-м. *songgino* 'репчатый лук'), *ан'дир* 'турпан' (ср. лит.-бур. *ангир*, стп.-м. *anggir* id.) и т.п.

Аналогичное же явление зафиксировано и в говоре нижеудинских бурят. Так, Г.Д. Санжеев [1930, с. 3] пишет по этому поводу: "Чрезвычайно любопытно отметить, что в бур.НУ исторический **g* в некоторых случаях отражается как сильно палатализованный *д'*:

төндө (< **төһнө* < **төһндө*) – столб

төндөр (< **төһнөр* < **төһнөр* < **tengri*) – небо

мандһаһү (< **манһһаһү* < **маңһһаһү*) – лук (растение)

дйнжэ (< **дйнжэ* < **дйнжэ*) – цепь.

Как видно из представленных примеров, явление **g* > *д'* произошло под влиянием последующей гласной *и*; в других говорах (в аларском,

например) находим только *g > j...". Это же отмечает для нижнеудинско-го говора и А.А. Дарбеева [1978, с. 62–63].

Такое же явление И.Д. Бураев [1965, с. 117] находит и в сартульском говоре: "Литературное сочетание *gi*, например в словах *ангир*, *мангир* и т.д. в сартульском говоре, так же, как и в других бурятских говорах, произносится как *d'* и карткий *u* (в сартульском говоре такое произношение особенно последовательно)".

В цонгольском говоре тоже произошло развитие *g перед *i* в палатализованной *d'* (*d'*). Н.Н. Поппе [Poppe 1971, с. 152] говорит об этом, например, следующее: "Группа консонантов *lg и *ng передается перед последующим *i* обычно как *l'd'* или *n'd'*, например: *en'd'ij šara talada* 'в энгинской желтой степи', *jan'd'ā* 'трещина, хрустя', *tan'd'ilxan* (< *tangilqan*) 'избалованный, изнеженный', *sel'd'ēxen* (< *selgiyeken*) 'холодный'. Ср. еще *il'd'ēx* < *il'g'ē* < *ilegē- 'посылать'" (перевод наш. — В.Р.).

Таким образом, сартульский и цонгольский говоры, входящие в группу южнобурятских говоров, в отношении развития комплекса *gi в d' i рождаются с хоринскими говорами, а также с говорами тункинских, окинских и нижнеудинских бурят.

Другой же южнобурятский говор, говор олонских хамниган, по свидетельству Д.Г. Дамдинова [1968, с. 86], сохраняет сочетание *gi без изменений, например: хамниг. *гилагар* — лит.-бур. *ялагар* 'блестящий, глянцеваый' (стп.-м. *gilayar*); хамниг. *эргикү* — лит.-бур. *эрехэ* 'кружиться, обходить вокруг' (стп.-м. *ergikü*).

Отмечается сохранение *g перед *i и в баргузинском говоре [см.: Раднаев 1965, с. 85], например: барг. *гилагар* 'блестящий', барг. *гилаха* 'блестеть' (лит. *ялайха*), барг. *ниргэхэ* 'шуметь' (лит. *нэрвехэ*, х.-монг. *ниргэх*, стп.-м. *niṛgekü* 'гремять, грохотать').

В то же время в других западных бурятских говорах произошел переход *g перед *i в щелевой среднеязычный *j* (йот). Такое развитие *g можно объяснить действием тенденции ослабления смычки, когда развившийся из *g под действием палатализации согласный *d'* или среднеязычный смычный *ḷ* переходит в среднеязычный щелевой *j*.

Такой переход *g в *j* отмечен в боханском говоре, например: бох. *гананаха* — лит. *гангинаха* 'визжать' (ср. стп.-м. *γangginaqu*); бох. *анйар* желтоватокрасный — лит. *ангир* 'турпан' (ср. стп.-м. *anggir*) [см.: Бураев 1959, с. 101]. Аналогичное развитие *g в *j* перед *i произошло и в качугском говоре, например: качуг. *манйалан* — лит.-бур. *мангир* 'дикий лук'; качуг. *манйалай* — лит.-бур. *манлай*, *магнай*, эхирит. *мангилай*, стп.-м. *taṅglai* 'лоб'; качуг. *эснийэ* — лит.-бур. *эснги*, стп.-м. *eṣenggi* 'усталый'; качуг. *һөөлдэнийэр* — лит.-бур. *һөөлдэнгир* 'хриплый'; качуг. *зальйаха* — лит.-бур. *залгиха*, стп.-м. *jalgiqu* 'глотать' [см.: Митрошкина 1958, с. 289].

Такое же положение относительно развития *g перед *i засвидетельствовано и в эхирит-булагатском говоре, например: эхир.-булаг. *гонйонхо* — лит.-бур. *гонгинохо* 'гнусавить' (ср. х.-монг. *гонгинох*, стп.-м. *γongginaqu* 'пищать, хныкать'); эхир.-булаг. *долйоон* — лит.-бур. *долгэон* 'волна' (ср. х.-монг. *долгио*, стп.-м. *dolgiyan*); эхир.-булаг. *йэрмаани* — лит.-бур. *Германи* 'Германия'; эхир.-булаг. *зальйаха* — лит.-бур. *залгиха* 'глотать' [см.: Матхеев 1956, с. 114].

По утверждению Н.Н. Поппе [1930, с. 26], *g перед *i* в аларском говоре тоже отражается в виде щелевого среднеязычного *j*, например: *эр'jэ* 'берег' (стп.-м. *ergi*), *дол'jоу* 'волна' (стп.-м. *dolgiyan*), *зал'jахд* 'проглотить' (стп.-м. *jalgiqu*). Кроме того, *g иногда дает *j* и перед *e, например: *сер'jэ* ~ *сергэ* 'коновязь' (стп.-м. *ṣerge*), *эр'jэ* 'кладеный баран' (стп.-м. *irge*), *һеjэ* 'войлок' (стп.-м. *esigei*) [см.: Поппе 1930а, с. 26].

Таким образом, исторический комплекс *gi в середине слова дает в бурятских говорах следующее развитие: *gi* — в хамниганском, баргузинском, *d'i* (*ḷji*) — в хоринском, сартульском, цонгольском, тункинском, окинском, нижнеудинском, *ji* — в эхирит-булагатском, боханском, качугском, аларском.

В то же время и в тех говорах, которые дают *d'i* вместо *gi* литературного бурятского языка, имеется немало случаев, когда из *g перед *i или *e развился щелевой *j*, например: тунк. *хур'jэн*, бур.НУ *күрjэ* 'эять' или *e развился щелевой *j*, например: тунк. *хур'jэн*, бур.НУ *күрjэ* 'эять' (ср. лит.-бур. *хурьэн*, стп.-м. *kürgen*); тунк. *бэр'jэн* 'невестка' (ср. лит.-бур. *бэриэн*, стп.-м. *bergen*); тунк. *эр'jэнэ* 'ворота в поскотине' (ср. лит.-бур. *эргэнэ*, стп.-м. *ergeneg* 'посудный шкаф'). Общебурятскими являются слова типа *бурьяха* 'клубиться, бурлить' (ср. х.-монг. *бургах*, стп.-м. *burgiqu*); *бааяха* 'дымить' (ср. х.-монг. *баагих*, стп.-м. *baa-giqu*); *ая* 'попынь' (ср. х.-монг. *агь*, стп.-м. *agi*).

Комплекс *gi и в анлауте дал в хоринских говорах *ja* либо *jэ* в зависимости от 'рядности слова, например: хор., лит.-бур. *ялайха* — х.-монг. *гялайх*, стп.-м. *gilayiqu* 'блестеть'; хор., лит.-бур. *ялазаха* — х.-монг. *гялазах*, стп.-м. *gilaljaqu* 'сверкать, сиять, блестеть'; хор., лит.-бур. *ялабаха* — х.-монг. *гялбах*, стп.-м. *gilbaqu* 'ярко блестеть, сверкать, слепить светом'; хор., лит.-бур. *ельхэ* — х.-монг. *гилийх*, стп.-м. *giliyiku* 'блестеть, лосниться'.

Также в середине и в конце слова комплексы *gi и *ge в хоринских, а через них и в литературном языке, во многих случаях наряду с *d'i* (*ḷji*) дают, как во всех западных и примыкающих к ним тункинском и окинском говорах, *ja*, *jэ*. Это подтверждает сравнение ряда словоформ с другими монгольскими языками, например:

Обшебур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>эрье</i>	<i>эрэг</i>	<i>эрг</i>	<i>ergi</i>	берег
<i>эрье</i>	<i>ирэг</i>	<i>ирг</i>	<i>irge</i>	валух
<i>харья</i>	<i>харги</i>	<i>хэг'г'</i> (олэт.)	<i>qargi</i>	быстрина на реке
<i>эрвехэ</i>	<i>эргэх</i>	<i>эргх</i>	<i>ergikü</i>	кружиться
<i>ая</i>	<i>агь</i>	<i>äg'</i> (олэт.)	<i>agi</i>	попынь
<i>ааяма</i>	<i>аагим</i>	—	<i>ayagim</i>	знойный
<i>урьяха</i>	<i>ургих</i>	—	<i>urgiqu</i>	клубиться
<i>орьёл</i>	<i>оргил</i>	<i>оргл</i>	<i>orgil</i>	вершина
<i>орьёхо</i>	<i>оргих</i>	<i>оргх</i>	<i>orgiqu</i>	фонтанировать

Появление щелевого *j* на месте смычного палатализованного *g* можно объяснить тем, что палатализации подвергся щелевой вариант этого *g — *γ*. Переход *γ* в *j* возможен только при ослаблении артикуляции *γ*, так как различие по месту артикуляции у них незначительное и кроме того

у' произносится с большим шумом и с большим напряжением артикулирующих органов.

Такой разницей в произношении (то *j*, то *d'* на месте **g*) можно объяснить, на наш взгляд, тем, что действовавшая в прошлом тенденция ослабления смычки реализовалась в бурятских говорах неравномерно и переставала действовать тоже неравномерно. Исконный же прамонгольский звук **g* был, кроме того, по своей природе двояким: в одних словах он был щелевым, в других — смычным. Когда монгольские языки, в том числе и протобурятские говоры, захватила тенденция ослабления напряженности артикулирующих органов при произнесении любых звуков, проточный интервокальный **g* (*γ*) исчез, растворился, ослабившись, среди соседних гласных, в результате чего образовалась заместительная долгота гласных (о чем подробно было сказано выше в соответствующем месте), а смычный же **g* перешел, ослабившись, в проточный и сохранился, опять став в бурятских говорах двояким по природе: произносится то смычно, то как щелевой звук. Затем, попав в положение перед *i*, этот, ставший уже проточным, *γ* палатализовался в бурятском языке (в котором вообще довольно сильно развилась палатализация согласных) и перешел в *j*. В дальнейшем, видимо, в ряде бурятских говоров действие тенденции ослабления приостановилось и на месте оставшихся щелевыми **g* (*γ*) стали произноситься (особенно в анлауте и после сонорных согласных) также смычные варианты **g*. Поэтому сейчас смычность и щелинность *g* факультативны и зависят от комбинаторных условий [см.: Бураев 1959, с. 98–100]. Там, где в свое время щелевой *g* (*γ*) успел перейти в *j*, в тех словах этот *j* сохранился и утвердился, а там, где опять возобладал смычный характер *g*, там палатализованный смычный *g* дал смычный же *d'* (*d' ~ ħ*).

Развитие **g* перед **i*, а в некоторых случаях и перед **e*, характерно только для говоров бурятского языка и не имеет аналогий в других монгольских языках.

Влиянием ослабления артикуляции проточного *g* (*γ*) можно объяснить и развитие глухого щелевого *x* на месте этого **g* в некоторых общепурятских словах, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
тухэрээн	төгрөг	төгрг	tögürig	круглый
тухэриг	төгрөг	—	tögürig	рубль
хархис	харгис	хэргс	qargis	варварский, реакционный

Этим же объясняется и произношение в западных бурятских говорах энэхүүр, энэхээр 'этим; здесь' вм. лит.-бур. энээүүр; тэрэхүүр, тэрээээр 'там, по тому месту' вм. лит.-бур. тэрээүүр; ябахты 'уходите' вм. лит.-бур. ябагты и т.п.

О том, что все эти процессы до конца еще не изжили себя в бурятском языке свидетельствуют, на наш взгляд, параллельные формы с *g* и *й*, например:

бур. жэрьехэ//жэргэхэ 'щебетать', ср. х.-монг. жиргэх, калм. жиргх, стп.-м. jirgekü id.;

бур. тэрьелхэ//тэргэлхэ 'убегать'.

Наличие *j* в ряде случаев может сигнализировать, что в бурятском языке в более древнее время был в данном слове **g* а не **k*, хоть если бы родственные соседние языки и давали бы здесь *x*. Так, например, халха-монгольскому слову горхи 'пряжка ремня' (ср. калм. хорьк, стп.-м. γorki) соответствует бур. горьё. О том, что прабурятской формой не было γorki, говорит наличие в бурятском слове *j*. В таком случае для бурятского слова горьё следует предполагать праформу *γorgi. О справедливости такой реконструкции свидетельствует наличие олётского gog'g' и дэрбетского gör'g' с тем же значением 'пряжка', зафиксированных Г.И. Рамstedтом [1935, с. 151].

Хотя в ряде случаев в бурятском языке представлен *x* на месте *g* халха-монгольского языка, сравнение с другими монгольскими языками показывает, что в халхаском это *g* не является исконным, а бурятское *x* закономерно развилось в этих случаях из исконного **k*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
гишхэхэ	гицгэх	гишкх	giskikü	шагать
мушхэхэ	мошгөх	мошкх	möskikü	расследовать
мушхиха	мушгих	мошкх	muskiqu	крутить
сэдхэхэ	сэтгэх	седх	sedkikü	мыслить
үдхэн	өтгөн	откн	ödken	густой

Эти случаи развития *x* из **k* в отношении генезиса отличаются от рассмотренных выше фактов перехода в *x* ослаблением исконного **g*.

**ŋ*

Данный согласный во всех монгольских языках, в том числе и в бурятских говорах, встречается лишь в середине и конце слова и никогда не стоит в анлауте, чем монгольские языки и тюркские отличаются от соседних тунгусо-маньчжурских и самодийских. Причем в середине слова он сохраняется без изменения в бурятских говорах лишь перед заднеязычными и увулярными согласными *χ* и *g*, стоящими перед иными, чем **i*, гласными, например:

общепур. аңх^лаң (орф. анхан) — стп.-м. aŋqaŋ, х.-монг. анхан (аңх^лаң), калм. аңхн (аңх^лн), орд. аңхан 'первоначальный', MNT аңа urida 'прежде';

общепур. аң (орф. ан) — стп.-м. aŋ, х.-монг. ан (аң), калм. аң (аң), орд. аң 'зверь';

общепур. эң (орф. эн) — стп.-м. eŋ, х.-монг. эн (eŋ), калм. эң (eŋ), орд. eŋ 'ширина материи';

общепур. эңгэ^х (орф. онгойхо) — стп.-м. oŋguyiŋ, х.-монг. онгойх (эңгэ^х), калм. оңгах (эңга:х^л) 'раскрываться';

общепур. эңгэг (орф. энгэр) — стп.-м. eŋgeŋ, х.-монг. энгэр (eŋgeŋ) 'лащкан, борт одежды';

общепур. эңк^хэргэ (орф. энхэрхэ) — стп.-м. eŋkerikü, х.-монг. энхрэх (eŋ^кхгех), калм. энкрх (eŋк^гхэ) 'относиться с любовью'.

Согласный **ŋ* в позиции перед **g*, после которого следует **i*, палатализующий этот **g*, тоже палатализуется почти во всех бурятских говорах [для аларского говора, например, см.: Поппе 1930а, с. 26], перейдя перед этим из заднеязычного звука в переднеязычный. Согласный же **g* при этом

переходит по говорам либо в *ч* (*ʃ*), либо в *ж*. В тех же немногих говорах, например в ононско-хамниганском, в которых **g* перед **i* сохраняется, сохраняет свое качество и **ŋ*. Примеры: хамниг. *халангир* 'разлив реки по лугам и протокам' < *халиха* 'разливаться'; вост.-бур., окинск. *ман'д'и* зап.-бур. *ман'jahan* 'дикий лук' (ср. стп.-м. *manggir*, *manggisun*, х.-монг. *мангир*, *мангис*, калм. *мәҗгән* id.); вост.-бур., окинс. *ан'д'ир*, зап.-бур. *ан'jar* 'турпан' (ср. стп.-м. *anggir*, х.-монг. *ангир* id.). Таким образом, **ŋ* в сочетании **ŋgi* под палатализующим влиянием **i* переходит в бурятских говорах в *п'ja* (*n'je*) или *n'd'i* (*n'ji*).

В процессе развития и становления фонетической системы в бурятских говорах произошел также переход **ŋ* в *g* в тех случаях, когда исторический **ŋ* оказался в положении перед **n* (< **l*). Первоначальный **l* под влиянием ассимиляции дал *n*, в результате чего **ŋ* оказался перед *n*, что было, по-видимому, нетерпимо в протобурятских говорах, поэтому сочетание **ŋn* дало *gn* (орф. *гн*). В сочетании *ŋn*, видимо, чтобы как-то сохранить свое качество, звук *ŋ* усилил свой смычный *g*-образный компонент (образовалось сочетание *ŋgn*). Затем первый *n*-образный компонент отпал, оставив вместо *ŋ* только *g* (в мягкорядных словах) или *ɟ* (в твердорядных). Таким образом, современное сочетание согласных *гн* имело в прошлом вид **ŋn*, восходящее к **ŋl*. Это хорошо видно из сравнения с другими монгольскими языками, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Орд.	Стп.-м.	Значение
<i>агнаха</i>	<i>агнах</i>	<i>аунх</i>	<i>аҗна-</i>	<i>angna-</i>	охотиться
<i>шагнаха</i>	<i>чагнах</i>	<i>чуунх</i>	<i>ʃiŋna-</i>	<i>ʃingna-</i>	слушать
<i>тэҗнэхэ</i>	<i>тэҗнэхэ</i>	<i>теҗнх</i>	<i>teŋne-</i>	<i>tengne-</i>	выючить
<i>гагнаха</i>	<i>гагнах</i>	<i>гаҗнх</i>	<i>gaŋna-</i>	<i>ɣangna-</i>	паять

Из примеров видно, что халха-монгольский язык в отношении развития комплекса **ŋn* в *гн* дает такую же картину, что и бурятский язык.

В ононско-хамниганском говоре, сохраняющем многие архаичные черты монгольских языков, комплекс **ŋn* продолжает существовать, о чем свидетельствует Д.Г. Дамдинов [1968, с. 87], например: хамниг. *маҗнал* (*горго*) – бур. *магнал*, стп.-м. *mangnuu* 'род шелковой материи'; хамниг. *чирнакху* – бур. *шагнаха*, стп.-м. *ʃingnaqu* 'слушать'; хамниг. *тэҗнэху*//*тэҗнэхэ* – бур. *тэҗнэхэ*, стп.-м. *tengnekü* 'выючить'.

Сохранение **ŋ* в этой позиции наблюдалось нами и в речи бурят Окинской долины, например: *аҗп'л'х'л'* 'охотиться', *ʃаҗп'л'х'л'* 'слушать', *ʃiŋп'эх'л'* 'выючить'.

Таким образом, в отношении комплекса **ŋn* эти говоры сохраняют более архаичное состояние бурятского языка.

В ауслaute именных основ в современном бурятском языке, во всех его говорах, вместо исторического переднеязычного **n* произносится заднеязычный *ŋ*, который развился в этой позиции и в халха-монгольском языке, только здесь он отпал у основ имен существительных и у числительных употребляемых субстантивно, но произносится у прилагательных. В калмыцком языке сохраняется переднеязычный **n*. При употреблении же существительных и числительных в атрибутивной функции этот конечный **n* основы обязательно восстанавливается и в халха-монгольском языке, но уже в виде заднеязычного *ŋ*.

Такое же явление, как в бурятском и халхаском, отмечается и для тюрского языка, в котором ауслautный **n* основ перешел в заднеязычный *ŋ* [см.: Поппе 1930, с. 139], например: даг.П *улаҗу* 'красный' (стп.-м. *ula-ʃan*), даг.П *оҗу* 'год' (стп.-м. *on*).

Этимологический же конечный **ŋ* сохраняется во всех случаях как в бурятском, так и в халха-монгольском и калмыцком языках, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>ан</i> (<i>аŋ</i>)	<i>ан</i> (<i>aŋ</i>)	<i>аҗ</i>	<i>ang</i>	зверь
<i>зан</i> (<i>zаŋ</i>)	<i>зан</i> (<i>dʒaŋ</i>)	<i>заҗ</i>	<i>ʃang</i>	характер
<i>тэн</i> (<i>tɛŋ</i>)	<i>тэн</i> (<i>tɛŋ</i>)	<i>теҗ</i>	<i>teng</i>	равный по весу
<i>эн</i> (<i>ɛŋ</i>)	<i>эн</i> (<i>eŋ</i>)	<i>эҗ</i>	<i>eng</i>	ширина материи
<i>зоболон</i>	<i>зовлон</i>	<i>зовлаҗ</i>	<i>ʃobalang</i>	мучение
(<i>zɔbɔlɔŋ</i>)	(<i>dʒɔβlɔŋ</i>)			
<i>баясхалан</i>	<i>баясгалан</i>	<i>баясхлҗ</i>	<i>bayasqulang</i>	радость
(<i>baɣl'xəl'ɔl'ɔŋ</i>)	(<i>bajisg'ɔl'ɔŋ</i>)			

В словарях бурятского и монгольского языков в заглавном слове словарной статьи приписной маленькой буквой *z* в скобках указывают на заднеязычный характер **ŋ*. Пишут, например, *ан(z)* 'зверь', *зан(z)* 'характер', *зоболон(z)* 'мучение', *баясхалан(z)* 'радость', *эн(z)* 'ширина материи' и т.п. В калмыцкой же орфографии для **ŋ* принят особый знак *җ*. В старописьменном монгольском языке на уйгурской графике **ŋ* обозначали сочетанием букв *нүн* + *каф*: *ᠨᠦᠨᠠᠭ* (*ng*) – в середине слова и *ᠨᠦᠨᠠ* (*ng*) – в конце слова [см.: Владимирцов, с. 71]. Это значит, что еще в древности, при создании старомонгольского алфавита, люди осознавали этот звук *ŋ* и отличали его от обычного переднеязычного *n*.

Рассмотрим теперь, сравнив те же языки, сохранность и отражение конечного **n* основой, например:

Стп.-м.	Калм.	Х.-монг.	Бур.	Значение
<i>aman</i>	<i>амн</i> (<i>amʌn</i>)	<i>ам</i> (<i>am</i>)	<i>аман</i>	рот
			(<i>amʌŋ</i>)	
<i>ʃilayun</i>	<i>чолун</i> (<i>ʃɔlu:n</i>)	<i>чулуу</i> (<i>ʃulu:</i>)	<i>шулуун</i>	камень
			(<i>ʃulu:ŋ</i>)	
<i>ʃibayun</i>	<i>шовун</i> (<i>ʃɔvu:n</i>)	<i>шувуу</i> (<i>ʃuvu:</i>)	<i>шубуун</i>	птица
			(<i>ʃubu:ŋ</i>)	
<i>tabun</i>	<i>тавн</i> (<i>tavʌn</i>)	<i>тав</i> (<i>tav</i>)	<i>табан</i>	пять
			(<i>tabʌŋ</i>)	
<i>on</i>	<i>он</i> (<i>ɔn</i>)	<i>он</i> (<i>ɔŋ</i>)	<i>он</i> (<i>ɔŋ</i>)	год

При этом в калмыцкой орфографии буквой *n* обозначен переднеязычный **n*, как и в старописьменном монгольском языке. В халха-монгольском же и бурятском, хотя и пишется *n*, но произносится он в ауслaute всегда как *ŋ* ~ *ɟ* в зависимости от рядности слова. Только два обстоятельства различают этимологический **ŋ* и этот *ŋ*, возникший на месте исконного **n*, в бурятском и халха-монгольском языках:

- этимологический **ŋ* в конце слова при склонении всегда сохраняется, а *ŋ*, развившийся из **n*, в ряде падежей всегда отпадает;
- в тех же падежах, где должна быть полная основа с конечным **n*, там этимологические **ŋ* и **n* основы сохраняются без всяких изменений.

Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
а᠋ᠨ (ан)	аᠨ (ан)	аᠨ (аᠨ)	аᠨᠭ	зверь
аᠨᠳᠠ (анда)	аᠨᠳ (анд)	аᠨᠳ (аᠨᠳ)	аᠨᠭ-ᠳᠠ	зверю
оᠨ (он)	оᠨ (он)	оᠨ (он)	оᠨ	год
оᠨᠳᠤ (ондо)	оᠨᠳ (онд)	оᠨᠳ (онд)	оᠨ-ᠳᠠ	в году.

Особенно явственно разница между этимологическим *ᠨ и п, развившимся из *п, выявляется в бурятском языке при наращении аффиксов родительного, винительного, исходного и орудного падежей. Даже орфография закрепляет это различие путем ввода вставного согласного г между аффиксом и конечным н основы, например:

ан 'зверь' – ангай (род.п.), ангые (Вин.п.), ангаар (оруд. п.), ангһаа (исх. п.);

зоболон 'мучение' – зоболонгой (род.п.), зоболонгые (вин.п.), зоболонгоор (оруд.п.), зоболонгһоо (исх.п.).

При склонении же основ с этимологическим *п, хотя и произносимым сейчас в основном падеже как ᠨ, уже не наблюдается вставного г. В некоторых падежах (винительном, орудном, частично совместном) этот п даже отпадает, в других же сохраняется в виде того же первоначального *п. Сравним, например, склонение бурятских слов аᠨ (орф. ан, стп.-м. аᠨᠭ) 'зверь' и мᠣᠷᠢᠨ (орф. морин, стп.-м. мᠣᠷᠢᠨ) 'лошадь':

Осн.	аᠨ	(ан)	мᠣᠷᠢᠨ	(морин)
Род.	аᠨᠭᠠᠭ	(ангай)	мᠣᠷᠢᠨᠭᠡ	(мориной)
Дат.-мест.	аᠨᠳᠠ	(анда)	мᠣᠷᠢᠨᠳᠤ	(мориндо)
Вин.	аᠨᠭᠦᠵᠢ	(ангые)	мᠣᠷᠢᠨᠵᠢ	(морие)
Оруд.	аᠨᠭᠠᠭ	(ангаар)	мᠣᠷᠢᠨᠭ	(моргоор)
Совм.	аᠨᠲᠠᠭ	(антай)	мᠣᠷᠢᠨᠲᠠᠭ	(моритой)
Исх.	аᠨᠬᠠᠭ	(ангһаа)	мᠣᠷᠢᠨᠬᠠᠭ	(моринһоо)

Таким образом, в бурятском языке в историческом аспекте следует различать этимологический исконный консонант *ᠨ и звук ᠨ, развившийся в ауслате из конечного исконного *п основы.

УВУЛЯРНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*q

В истории монгольских языков этот согласный встречался лишь в начале и середине твердоядных слов. Как и в других монгольских языках, развитие *q в бурятских говорах связано с развитием гласного *i → i. Слог *qi перешел в *ki в результате слияния *i и *i в одной фонеме i. Под влиянием этого i увулярный *q в данном сочетании перешел в заднеязычный k. О развитии *k в позиции перед i в различных бурятских говорах уже было сказано выше, поэтому здесь на этом останавливаться не будем.

Рассмотрим подробнее эволюцию *q в позиции соседства с другими, чем i, гласными.

Из всех современных бурятских говоров лишь в двух, нижеудинском и ононско-хамниганском, сохраняется смычный характер этой фонемы.

в то время как во всех остальных говорах и в литературном языке на месте *q представлен проточный глухой согласный х.

Исследователь нижеудинского говора Г.Д. Санжеев [1930, с. 1–2] пишет: "Исторический согласный *q в бур.НУ отражается в виде смычного и сильно аспирированного k в следующих случаях

а) Если он следовал и следует непосредственно за л, р:

алкᠠ	– убить	буркᠠᠨ	– бог
уһᠠᠯкᠠ	– поить	амилкᠠ	– дышать
дулкᠠ	– петь	талкᠠᠨ	– мука
таркᠠ	– уходить	даркᠠᠨ	– кузнец

б) Если его заместитель ныне находится в слогах, которым предшествуют слоги с переднеязычными т, д, з:

такᠠ	– подкова	тᠠкᠠ	– угадать
дакᠠ	– доха	дакᠠᠬᠠ	– следовать
кхазᠠᠬᠠ	– откусить	табᠠᠬᠠ	– поставить.

Во всех остальных условиях *q в бур.НУ превратился в аффрикативный kx:

кхарᠠ	– черный	кхадᠠ	– гора ...
кхарᠡᠭᠢ	– путь ...	кхојᠠᠷ	– два ...
микᠠᠬᠠᠨ	– мясо ...	нокᠠᠬᠡ	– собака ..."

Однако А.А. Дарбеева, занимавшаяся нижеудинским говором длительное время, отмечает смычный характер данной фонемы [1978, с. 46]: "Фонема k в современном НУД представляет собой увулярный смычный сильный глухой согласный звук, встречающийся в начале слога в любой позиции слова с твердоядным вокализмом и перед ä, например: кᠠᠬᠢᠰᠠ 'ножницы', кара 'черный', какаркᠠ 'рваный', окᠣр 'короткий', утуркᠠ 'подовина'. В НУД фонема k артикулируется сильной смычкой увулы с задней частью спинки языка..." Она особо подчеркивает, что "аффрикативный звук kx в НУД – не самостоятельная фонема, а лишь оттенок..." [Дарбеева 1978, с. 47]. Встречается kx преимущественно перед долгим ä, например: кхᠠᠨ 'хан', кхᠠᠵᠠ 'шуметь'. Таким образом, материалы А.А. Дарбеевой свидетельствуют о наличии в нижеудинском говоре фонемы k, а не kx. Наши наблюдения над говором нижеудинских бурят подтверждают выводы Дарбеевой относительно преобладания смычного характера фонемы k в данном говоре. Нижеудинская фонема k абсолютно идентична по своим фонетическим параметрам и акустическому эффекту тюркской фонеме q. Причем нам слышалось произношение q и перед долгим ä, т.е. бур.НУ qa:ᠨ 'хан', qa:qᠠᠵᠠ 'закреть' и т.п. В этой позиции у q все же преобладал смычный элемент, хотя последующий долгий широкий гласный несколько ослаблял смычку, за счет чего происходил призвук х.

Относительно языка ононских хамниган Д.Г. Дамдинов [1968, с.82] сообщает: "Кроме заднеязычных звуков k и k' в говоре ононских хамниган встречается заднеязычная аффриката kx, смычная часть которой артикулируется неясно. Эту аффрикату можно назвать глубоко-заднеязычным согласным, образующимся в результате одновременного действия спирации и смычки более дальнего участка задней части спинки языка с мягким не-

бом. По горизонтальному положению языка аффриката *kx* как бы стоит между звуком *k* и *x*. Эта аффриката употребляется в начале и середине слова в сочетании с твердоядными гласными вместо увулярного спиранта *x*, если за ним или за слогом с этим согласным следует палатализованный слог или согласный звук. Аффриката *kx* не играет смысловозначительной фонематической роли и является оттенком фонемы *x*, например: *kxони* (овца), *kхуджир* (солончак). Аффриката *kx* также встречается между гласными в середине слова и в последнем слоге, если за ним следует гласный звук *u*, например: *цокху* (жук), *токхукху* (седлать), *онг^oишлгокху* (открывать).

Увулярный смычный глухой *k* отмечается в тункинском говоре как позиционный вариант в твердоядных словах увулярных фонем *g* и *x*, оказавшихся рядом из-за редукции стоявших между ними гласных звуков (о появлении в аналогичной позиции заднеязычного *k* на месте *g* и *x* в мягкорядных словах нами выше уже сообщалось), например: *гаракка* 'заставить выходить' — лит. *гараха*, *торокко* 'добыть зверя' — лит. *торгохо* [см. Абашеев, с. 9]. Во всех же остальных случаях из **q* в тункинском говоре развился проточный *x*, например: *хара* 'черный', *бах* 'лягушка', *хур* 'дождь', *хоро* 'зло; яд' [см.: Абашеев, с. 10]. Такая же картина и в окинском говоре.

Аналогично обстоит дело и в говоре аларских бурят, например: *гаракка* ~ *гаргэхэ* 'заставить выходить', *о^lадкк^o* ~ *о^lадгх^o* 'понимать' [см.: Поппе 1930а, с. 9].

Во всех же остальных бурятских говорах, как и в соседних с бурятским монгольских языках — халха-монгольском, калмыцком, дагурском **q* дал в начале и середине слова проточный *x*. Лишь в дагурском и иногда в халхаском в середине слова появляется *g* на месте **q*. Примеры:

бур. *х^oда* — стп.-м., MNT *qada*, даг.П *хад* ~ *хад^a*, орд. *х^oда*, х.-монг., калм. *хад* 'скала';

бур. *хурдан* — стп.-м., МА, мог. *qurdun*, х.-монг. *хурдан*, калм. *хурдн* 'быстрый';

бур. *хоёр* — стп.-м., МА *qоуаг*, даг.П *хойр* ~ *хойр*, мог. *qојог*, орд. *хојог*, х.-монг. *хоёр*, калм. *хойр* 'два';

бур. *мяхан* — стп.-м., МА *miqan*, даг.П *м^aг^a*, мог. *miqon*, орд. *таха*, х.-монг. *мах*, калм. *махн* 'мясо';

бур. *нохой* — стп.-м. *ноqai*, МА *ноqai*, даг.П *ног* ~ *ног^o*, мог. *ноqei*, орд. *пох^o*, х.-монг. *нохой*, калм. *ноха*, *нохэ* 'собака';

бур. *удха* — стп.-м. *udqa*, орд. *udxa*, х.-монг. *утга*, калм. *утх* 'смысл';

бур. *хадхаха* — стп.-м. *qadququ*, МА *qatququ*, даг.П *харх^у*, х.-монг. *хатгах*, калм. *хатхх* 'колоть, пронзять'.

Зачастую бурятские традиционные говоры, западные и восточные, а через них и литературный язык, сохраняют в виде *x* этот исконный **q*, который в других монгольских языках, например в халхаском, перешел в звонкий *g*. Примеры:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>удха</i>	<i>udqa</i>	<i>утга</i>	<i>утх</i>	смысл
<i>хадхаха</i>	<i>qadququ</i>	<i>хатгах</i>	<i>хатхх</i>	пронзять
<i>худхаха</i>	<i>qudqaqu</i>	<i>хутгах</i>	<i>хутхх</i>	размещивать
<i>садхалан</i>	<i>ᠰadqulang</i>	<i>цатгалан</i>	<i>цадхл^н</i>	сытый
<i>баяхалан</i>	<i>bayasqulang</i>	<i>баясгалан</i>	<i>баясхл^н</i>	радость

Как видно из примеров, бурятский язык в этом отношении однотипен с калмыцким, тоже сохранившим исконный **q* в виде *x*.

Во многих случаях в традиционных бурятских говорах *x* появляется там, где был, наоборот, исконный **γ*, сохраняющийся в халхаском и калмыцком языках. Примеры:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>дохолох</i>	<i>doγulqu</i>	<i>доголох</i>	<i>дохлх</i>	хромать
<i>хахалха</i>	<i>qayalaqu</i>	<i>хагалах</i>	<i>хахлх</i>	разорвать
<i>хухасаа</i>	<i>quγaᠰaγ-a</i>	<i>хугацаа</i>	—	срок
<i>тохорюун</i>	<i>toγuriγun</i>	<i>тогоруу</i>	<i>тоһрун</i>	журавль
<i>сахариг</i>	<i>ᠰaγariγ</i>	<i>цагариг</i>	<i>цаһрг</i>	обруч, круг
<i>хасуури</i>	<i>γaᠰur-a</i>	<i>гацуур</i>	<i>һацуур</i>	ель
<i>хагнаха</i>	<i>γangnaqu</i>	<i>гагнах</i>	<i>һагнх</i>	паять

Встречаются случаи, когда и в калмыцком языке, подобно бурятскому, появляется *x* на месте **γ*. Примеры:

Бур.	Калм.	Стп.-м.	Х.-монг.	Значение
<i>дахаха</i>	<i>дахх</i>	<i>dayaqu</i>	<i>дагах</i>	следовать
<i>бахана</i>	<i>бахн</i>	<i>baγana</i>	<i>багана</i>	столб

Эти примеры вкпе с предыдущими, показывающими сохранение **q* в виде *x* вместо халхаского *g*, показывают, что в данном отношении бурятский язык состоит ближе к калмыцкому. В калмыцких говорах это явление распространено гораздо шире, чем оно представлено в литературном языке. Так, например, по нашим наблюдениям, иссыккульские сарт-калмыки (близкие по языку торгутам) говорят *толха* 'голова' вместо лит.-калм. *толһа* (ср. стп.-м. *toluγai*, бур. *тологой*, х.-монг. *толгой*); *захсн* 'рыба' вместо лит.-калм. *захсн* (ср. стп.-м. *γyasun*, бур. *загаһан*; х.-монг. *загас*) и т.п.

Южные же бурятские говоры, сартульский, цонгольский и хамниганский, связанные своим происхождением с монгольским языком, продолжают, как и халхаский язык, удерживать согласный *g* там, где в других бурятских говорах представлен *x*, например:

сарт. *хагалха* 'пахать землю, разрывать', ср. х.-монг. *хагалах*, лит.-бур. *хахалха* id. [см.: Бураев 1965, с. 128];

хамниг. *цагариг* 'круг, обруч', ср. х.-монг. *цагариг*, лит.-бур. *сахариг* id. [см.: Дамдинов 1968, с. 89];

цонг. *дагаха* 'следовать за', ср. х.-монг. *дагах*, лит.-бур. *дахаха* id.;

цонг. *хагалха* 'раскалывать', ср. х.-монг. *хагалах*, лит.-бур. *хахалха* id.;

цонг. *догolon* 'хромой', ср. х.-монг. *догolon*, лит.-бур. *дохolon* id. [см.: Бураев 1965, с. 158].

Однако, в цонгольском говоре, видимо, уже под влиянием литературного бурятского языка и соседних бурятских говоров появляется в ряде случаев *x* на месте *g*, например: цонг. *бахалдзуур* 'горло', ср. лит.-бур. *бахалзуур*, х.-монг. *багалдзуур* id.; цонг. *уйдхар* 'крусть, печаль', ср. лит.-бур. *уйдхар*, х.-монг. *уйтгар* id. [см.: Бураев 1965, с. 159].

Этот согласный в основном сохраняется во всех бурятских говорах в тех же позициях начала, середины и конца слов твердого ряда, что и во всех остальных современных монгольских языках. Причем в положении перед глухим согласным и в конце слова *γ оглушается и произносится как глухой слабый заднеязычный звук *g*, почти *k*, например: *ябаг* 'пусть уходит' (произносится *jabʌg* – *йабак*); *худаг* 'колодец' (произносится *xudʌg* – *ху-дак*); *огто* 'совсем, совершенно' (произносится *ogto* – *окто*); *засаха* 'застыть (о масле)' (произносится *zagsʌxʌ* – *заксаха*). Учитывая такое произношение *γ, А.Д. Руднев [1913, с. XI] везде в своих материалах по хориинскому говору употреблял в данной позиции букву *k*, например: *унтэктэ* 'спите' (ср. лит.-бур. *унтагты*), *нүдэктэ* 'живущий' (ср. лит.-бур. *нуудаг*), *сак* 'время' (ср. лит.-бур. *саэ*).

В зависимости от положения в слове и соседних звуков *γ в бурятском разговорном языке представлен либо смычным увулярным *ɟ*, либо шелевым увулярным *ɟ* (орфографически оба звука обозначены одинаково – *ɟ*), например: *ɟar* 'рука' (орф. *гар*, стп.-м. *γar*); *baɟʌ* 'маленький' (орф. *бага*, стп.-м. *baγa*); *arɟʌ* 'способ' (орф. *арга*, стп.-м. *arγa*); *arɟu:ʃʌ* 'охотник' (орф. *ангууша*).

И.Д. Бураев [1959, с. 99] пишет об этом следующее: "Смычные оттенки (*ɟ* – В.Р.) употребляются: в начале слова, в исходе слова, внутри слова в исходе слога или в начале слога после согласных, кроме *p* и часто *l*. Шелевые дрожящие оттенки употребляются внутри слова в интервокальном положении и после *p*, а также иногда после *l*, при этом они являются всегда только звонкими. Смычные оттенки бывают в начале слова звонкими, а в исходе слова – глухими, внутри слова в начале слога – звонкими, а в исходе слога являются звонкими, если последующий слог начинается со звонких согласных, и являются глухими, если последующий гласный – глухой". Для современного бурятского языка, как его говоров, так и литературной формы, смычность и шелинность у *ɟ* не являются фонематическими, это только позиционно-комбинаторные варианты одной и той же фонемы.

Сравнение с другими монгольскими языками показывает, что в бурятском языке *γ сохраняется там же. Примеры:

бур. *гахай* – стп.-м. *γaɟai*, МА *γaɟai*, даг.П *gag*, орд. *gaxā*, х.-монг. *гахай*, калм. *haxa* 'свинья';

бур. *гушан* – стп.-м., МА *γuʃin*, даг.П *gocʃ(н)*, орд. *gutʃi*, х.-монг. *гуч*, калм. *hucin* 'тридцать';

бур. *гар* – стп.-м., МА *γar*, даг.П *garʃ*, орд. *gar*, х.-монг. *гар*, калм. *har* 'рука';

бур. *аяга* – стп.-м. *ayaya*, МА *ayaya*, даг.П *ajāḡḡ*, орд. *ajaga*, х.-монг. *аяга*, калм. *aah* 'чашка';

бур. *арга* – стп.-м. *arγa*, орд. *arḡa*, х.-монг. *арга*, калм. *arh* 'способ', МА *arγa* 'хитрость';

бур. *балгаанан*, *булгаанан* 'летняя юрта' – стп.-м. *balγasan* 'дворец; город', МА *balγasan* 'стена; город', х.-монг. *балгас* 'развалины древнего города', калм. *balhcn* 'город';

бур. *загахан* – стп.-м. *jγasan*, MNT *jγasan*, даг.П *ɟʌḡʃc*, орд. *dʒagasi* х.-монг. *загас*, калм. *zahcn* 'рыба';

бур. *нютаг* – стп.-м. *nutuγ*, MNT *nuntuγ*, даг.П *notḡḡ*, орд. *nutuḡ*, х.-монг. *нутаг*, калм. *nutg* 'родное кочевье'.

Согласный *γ, находившийся первоначально в положении перед *i, при дальнейшем развитии монгольских языков, когда два гласных *i и *i слились в одном i, перешел под влиянием этого i в разряд заднеязычных, т.е. *ɟ*, и палатализировался. О модификации же комплекса *gi в современных бурятских говорах выше уже подробно говорилось, поэтому здесь повторно касаться данного вопроса не будем.

Выше также уже было сказано и о том, что в бурятских традиционных говорах на месте *γ развился в ряде случаев, как и в калмыцком языке, глухой шелевой согласный *x*.

Кроме того, в процессе развития монгольских языков интервокальный *γ во многих случаях выпал, в результате чего произошло стяжение соседних с этим *γ гласных в один долгий гласный звук. Поскольку данное явление подробно уже рассмотрено выше в разделе о долгих гласных, здесь его тоже рассматривать не будем.

Глава III

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В процессе развития бурятского народного разговорного языка под влиянием различных факторов как внешнего, так и внутреннего характеров произошли некоторые сдвиги фонетического облика слов по сравнению с постулируемым древним прамонгольским языковым состоянием и со всеми современными монгольскими языками. Произошло это, по всей вероятности, вследствие развития некоторых фонетических явлений бурятского языка. К таким явлениям, на наш взгляд, следует отнести изменение системы вокализма и консонантизма, развитие долгих гласных и монофтонгизацию дифтонгов. При этом наиболее значительные изменения, затрагивающие эволюцию как гласных, так и согласных, произошли под влиянием так называемого перелома *i.

Появление долгих гласных, развитие проточных согласных на месте смычных, исчезновение аффрикат, да по сути дела и сам перелом *i связаны с явлением ослабления напряженности артикулирующих органов. При этом представляется, что все фонетические явления, наблюдаемые в истории развития звуковой системы бурятского разговорного языка, можно в общем-то свести к двум группам: явления, связанные с историей развития гласного *i; и явления, возникшие и получившие разные фазы развития в разных монгольских языках и диалектах, связанные с ослаблением напряженности при артикуляции как согласных, так и гласных, что закономерно повлекло за собой различные модификации консонантов, развитие долгих гласных, а также ассимиляцию кратких гласных. Кроме того, эти две группы явлений в истории эволюции звукового строя бурятского языка, и соответственно остальных монгольских языков, теснейшим образом взаимодействовали с захватившей в свое время все монгольские языки